

попаданец

ТОП-100

Владимир
Марков-Бабкин

ИМПЕРАТОР
ИЗ ДВУХ ВРЕМЕН

Попаданец (АСТ)

Владимир Марков-Бабкин
Император из двух времен

«Издательство АСТ»

2023

Марков-Бабкин В.

Император из двух времен / В. Марков-Бабкин — «Издательство АСТ», 2023 — (Попаданец (АСТ))

Три года царствует Михаил Романов. Три года он воевал, в него бросали бомбы, ему подкладывали взрывчатку под трибуну, он дважды чудом не умер от «американки», как называли в этом мире пандемию «испанки». Он выиграл Великую войну, предотвратил революцию и Гражданскую войну, разгромил Турцию и воссоздал Восточную Римскую империю, став и её императором. Рядом любимая жена и чудесные дети. Жизнь тиха и размеренна. Что ещё нужно человеку для счастья? Но мир жесток, и попаданец из 2015 года знает это по себе. Мир высшей политики, где хищники улыбаются друг другу лишь на камеру. Кровь, войны, интриги, заговоры. Угрозы новых войн, интриг и заговоров. Перспектива очень большой войны и большой крови. А впереди голод, который унесёт жизни миллионов его подданных.

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Часть вторая	30
Глава 1	30
Глава 2	42
Часть третья	49
Глава 1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владимир Марков-Бабкин

Император из двух времен

Посвящается моей семье

Отдельное спасибо Виталию Сергееву

Часть первая

Кто ты, Михаил Романов?

Пролог

25 июля 1919 года. Развязка

Лязг затворов автоматов системы Фёдорова. Защёлкивание магазинов в русских пулеметах системы «мадсен», проверки гранат.

– Внимание, господа! Время! Выходим на исходную!

Бойцы начали занимать позиции согласно установленной схеме. Он не должен уйти.

* * *

– Ваше величество! Авто подано. Все службы работают в штатном режиме. В парламенте ждут вашу речь.

Монарх хмуро кивнул. Что ж, день истины настал. Пора навести порядок в этом гадюшнике. Или он их, или они его. Время вышло.

Он сел в автомобиль, и за ним мягко захлопнули дверь.

Вот и всё. Мосты сожжены.

– Трогай!

И кортеж выехал на улицы столицы.

* * *

Проехало мимо переднее авто с охраной. Пусть едут. А вот и цель.

– Огонь! Огонь, черти!

Загрохотали автоматные и пулеметные очереди, полетели гранаты. Машина монарха замерла, покрываясь отверстиями беспощадных пуль, в салон влетела граната и взорвалась, выворотив авто изнутри.

– Дело сделано! Уходим!

Нападавшие исчезли так же внезапно, как и появились. Лишь догорало авто с августейшей особой внутри...

***ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА.
19 июля 1919 года. За шесть дней до описываемых событий***

– Миша, у меня что-то тревожно на душе.

Маша придержала лошадь и с какой-то тоской в глазах посмотрела на меня. Я также натянул поводья, и Марс пошел медленнее.

– Отчего, родная?

Она покачала головой.

– Не знаю. Тревожно. Я плохо спала этой ночью. Мне снились кошмары.

– Да, я заметил. Ты металась по подушке, стонала, и у тебя лоб был в поту. – Ободряюще улыбаюсь. – Теперь пришла моя очередь обнимать тебя, успокаивая после пустых кошмаров.

Жена не поддержала мой шуточный тон.

– Я боюсь, Миша. Очень боюсь. Что-то случится.

Успокаивающе беру ее ладонь в свою.

– Машенька, солнышко моё, но что может случиться? Все дела идут нормально. Это обычная рабочая поездка. Согласись, я же не мещанин Белопулов, чтобы сиднем сидеть под теплым боком у жены.

Но даже придуманная мной смешная фамилия не оказала никакого эффекта на обычно смешливую девушку.

Она кивает.

– Да, я понимаю. Но всё же. Тот раз, вылетев во Владивосток, ты добрался лишь до Мариуполя. Сейчас ты вновь собрался в те края. И у меня дурное предчувствие.

Демонстрирую бодрую шутовщость.

– Вот видишь, если что-то случится, то я далеко не улечу и быстро вернусь. Но ты же сама знаешь о большой важности мероприятия. Я должен быть там и заложить первый камень в основание. Это история и это пропаганда. Поколения будут расти на этом факте.

– А может, ты поедешь поездом? У нас же прекрасный поезд. Несколько лишних дней туда, несколько лишних дней сюда – не так важно. Я буду ждать тебя сколько нужно.

Улыбаюсь виновато.

– А, понял, это я тебя вчера напугал рассказом про катастрофу дирижабля «Гинденбург». Ну, во-первых, его ещё не построили, во-вторых, его точно не назовут этим именем, в-третьих, этот дирижабль совершил множество рейсов, и всё было нормально. Я же тебе рассказывал, что были версии про то, что на «Гинденбурге» сработало устройство, которое заложили заранее для диверсии. К тому же в водород «Империи» добавляют примеси, которые значительно снижают пожароопасность. Ты же сама много раз летала на дирижабле. Полковник Кононов отличный специалист своего дела, настоящий профессионал. Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

Маша сжала ноги, подбадривая Европу, и мы двинулись рысью. На женских седлах она не каталась принципиально, равно, как и не любила прогулочные выезды. Она предпочитала скорость, ветер в лицо, единение со своей лошадью. Это же касалось всего остального. Автомобилей. Мотоциклов. Яхт. Даже велосипедов.

Платья всё больше томились в гардеробе, поскольку императрица, наслушавшись моих рассказов, и на основе моих рисунков, заказала себе несколько брючных костюмов, и для выезды, и для езды на мотоцикле, и, конечно, для поездок на своих личных авто.

Да, мы опять проговорили вчера весь вечер, прежде чем добраться до постели. Разговор был долгим и часто непростым.

День за днем императрица буквально выпытывала у меня подробности будущего на ближайшие сто лет. Всё. Историю. Развитие технологий и средств связи. Сверхсущества. Катаклизмы. Эпидемии. Ход войн и переворотов. Научные открытия и Нобелевские премии. Короче – всё.

Конечно, я не всё помнил из истории. Если тот же ход Второй мировой войны или освоение космоса я помнил неплохо, то вот кому и за что присуждали Нобелевские премии, я вспоминал с большим трудом. Ну, Эйнштейн, ну Шолохов. Бор, Герц, Ферми, Черенков и Ландау. Горбачеву зачем-то дали, хотя надо было дать ему отнюдь не премию. И крепко так дать.

Я видел, как пылали восторгом глаза Маши, когда рассказывал про нынешнего учащегося Звездного лицея Сергея Павловича Королева, про Цандера, Глушко, Шаргея (он же Кондратюк), о многих других. О первом в мире космическом спутнике. О Юрии Гагарине, о его улыбке и знаменитом: «Поехали!» О подвиге народа, который за полтора десятка лет, после чудовищной войны и жуткой разрухи, сумел подняться в космос. Я видел гордость в её глазах, я слышал, как замирало её дыхание, и в этот момент она была русской на все тысячу процентов.

Она смеялась, когда я ей рассказывал интересные и забавные случаи из нашей и мировой истории.

Маша заметно сникла, когда поняла, что никакого бурного освоения космоса не произошло, что дальше спутников связи и шпионских орбитальных аппаратов мы реально не продвинулись. Что полет человека на Луну стал лишь пафосным эпизодом. Что никаких орбитальных городов у нас нет и не предвидится. Не знаю, что она там себе нафантазировала, слушая горячие речи того же Циолковского, но в её глазах стояло такое разочарование, словно у неё украли мечту.

Она была в шоке от ядерного оружия и возможности многократно уничтожить жизнь на планете за считанные минуты.

Я видел её боль и ужас, когда рассказывал ей о страшных потерях в Великой Отечественной войне, о битве под Москвой и о Сталинграде. О зверствах нацистов. О разрушенных городах и сожженных вместе с жителями деревнях. О Ржеве, где погиб Андрей Романов – мой дед по отцу, и о битве за Берлин, где на ступенях Рейхстага, пройдя всю войну, погиб мой дед по матери – мой нынешний сын Мишка Романов-Мостовский. Я рассказывал о голоде, и о войне Гражданской. О революциях. О том, как брат пошел на брата. О том, как сначала распалась Империя, а потом распался Союз. О Второй Смуте и о том, что мы и к 2015-му не достигли уровня СССР. О лихих девяностых, семибанкирщине и бандитах. О голодающих и умирающих в нищете стариках, отдавших всю свою прежнюю жизнь Отечеству. О том, как правили нами западные посольства. И о том, как доктора наук вынуждены были ездить челночниками по всяким Турциям, не имея возможности не только заниматься своим делом, но и просто накормить свои семьи. И не только доктора. Это было особенно контрастно слушать, находясь на собственном острове в Мраморном море, когда твоя Империя процветает и уже раскинулась на все эти земли.

Она плакала. Часто рыдала. Да и я сам едва сдерживал слёзы, глядя на своё прошлое будущее со стороны. Но меня словно прорвало. Господи, неужели в своём будущем я был готов с этим всем мириться? Мне было стыдно за самого себя. Я думал тогда лишь о себе, как выжить и как устроиться в той новой капиталистической реальности. Как и большинство из нас.

Моё будущее стало для неё шоком.

Я видел её ужас. И её решимость никогда такого не допустить.

Никогда.

Никогда в нашей новой истории.

Что ж, попаданец и его августейшая жена. Двое на российском престоле. Двое, знающие будущее.

Термоядерная смесь.

И я ловил себя на мысли, что, быть может, мне нужно было раньше всё это ей рассказать. Возможно, мне было нужно раньше разделить с женой тяжесть моей чудовищной ноши.

Нет, я жалел её. Как может жалеть по-настоящему любящий человек.

Добровольно я бы ей это не рассказал никогда.

Ни за что.

Но как там сказала Маша тем вечером?

«Может, это и хорошо, что ты знаешь будущее. И теперь знаю точно, что у меня – великий муж. Михаил Великий. Дети будут искренне гордиться тобой. Правда, я вот думаю, когда именно посвящать детей в эту тайну?»

Я опешил.

– Но зачем, любовь моя?

Любимая оценила меня взглядом.

– Для того, дорогой, чтобы они понимали свою избранность и свое предназначение. Одно дело просто унаследовать корону, а другое – воспринимать ее как миссию. Для кого-то миссия – это Скрижали Завета, для кого-то Град на Холме, кому-то поиски Грааля, а в нашей царственной семье миссия – это ты. Ты и наследование твоей миссии – не допустить твоей истории у нас. Мне кажется, ради этого стоит править и стоит жить».

И мне тогда стало спокойнее на душе. Если со мной что-то случится, то Маша продолжит мое дело. И воспитает детей, как надо.

Верю. Она сможет.

Глава 1

Императрица, смотрящая на звезды

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 2 июня 1919 года. За полтора месяца до описываемых событий

Императрица смотрела на звёзды. Благо подсвеченный прожекторами багряный императорский штандарт развевался на вершине Острова вне нашего поля зрения и не мешал её наблюдениям.

Звёзды...

Вероятно, мы самая необычная пара в истории. Итальянская принцесса из тысячелетнего Савойского дома и ваш покорный слуга, случайно перебравшийся сюда из года 2015-го.

Обнимаю любимую молодую жену, расслабленно положившую голову мне на плечо. Наших детей уже отправили спать, так что нам ничего не мешало сладко заниматься друг другом, в перерывах романтически глядя в ночные небеса и провожая взглядом мелькающие в черной вышине метеоры.

Что ж, дело молодое.

Остальные могут завидовать. Я не против. Тем более что Маша как-то не привыкла себя сдерживать в постели. Да и кто посмеет что-то сказать императрице на её собственном Острове? Особенно с учетом того, что сам император практически месяц был в отъезде и едва не сгинул в этой экспедиции? Нет, болтуны в Империи повывелись. Судачить про нас с Машей с некоторых пор стало опасно.

Смертельно опасно.

А мы никак не могли насытиться друг другом. Ни дать ни взять викинг, вернувшийся из похода, и соскучившаяся страстная молодая жена, так фанатично ждавшая его! Тем более после столь нервного выяснения отношений между нами, которое длилось почти сутки. Это было мощно. Кому рассказать – не поверит. Да и кому я могу об этом рассказать? Верно, никому.

В общем, мы сейчас сбрасывали стресс максимально предусмотренным природой способом. Активно. В промежутках болтая на всякие романтические темы, старательно избегая разговоров о делах и проблемах, о столицах и континентах, об интригах и заговорах, о парламентах и суффражистках, о денежных мешках, предстоящем великом голоде и творящейся сейчас в мире пандемии «американки», именуемой в том будущем «испанкой».

Маша улыбалась, глядя на звезды.

Ох, не проста была новая русская императрица!

Моя Маша. Благословенная Мария, как титулуют её в народе. И есть же за что!

В её гибком нагом теле угадывалась расслабленность тигрицы. Красивой и очень опасной.

Власть. Энергия. Сила.

И чудовищное, невообразимое коварство.

Иоланда Савойская снисходительно смотрела из русской августейшей постели на бывшую царицу Алису Гессен-Дармштадтскую, вероятно, как и всегда, выносящую сейчас мозг моему брату Николаю в далеком Монако и плетущую против нас очередной заговор с целью «вернуть трон в семью».

Смотрела иронично.

Ибо имела на то право. Право на иронию. Впрочем, все её «иронии» были предельно конкретными, а коготки её изящных пальчиков были очень острыми. И зубки. Драконица и Тигрица в обличье милой улыбчивой восемнадцатилетней девушки. Когда, в прошлом году, воспользовавшись моей болезнью и беспамятством, заговорщики попытались отобрать власть у юной императрицы, она решительно показала всему миру и, главное, всем нашим империям, что шутить с ней смертельно опасно для жизни.

Да так показала, что бывшей царице Аликс с бывшим же августейшим семейством пришлось бежать из Империи на подводной лодке. Бежали в панике, бросив всё барахло и с ужасом ожидая неминуемой, по их мнению, расправы. Откровенно говоря, не знаю, смогла бы Маша устроить им кровавый филиал подвала дома купца Ипатьева, где их перестреляли в реальной истории, или нет, но с ней точно шутить не стоило. И Аликс, несмотря на всю свою дурь, это прекрасно поняла¹.

Рим. Вечный город. Обнимаю дочь твою...

– Миша, а солнце точно вспыхнет через два года?

Киваю.

– Совершенно точно.

– И небеса над нами запылают?

Усмехаюсь.

– Любовь моя, я попаданец, а не пророк. Откуда мне знать, запылают ли небеса над Константинополем?

Маша кивнула.

– А такой ещё вопрос...

Прерываю её речи жарким поцелуем. В наших астрономических наблюдениях возникает некоторый перерыв. Звезды пока могут отдыхать без нас.

Звезды...

Сегодня у нас романтика.

Романтика. И проблемы, которые стоят за ней. Как мы только живы до сих пор?

Словно почувствовав что-то лишнее в моих мыслях, Маша взялась за меня с утроенной страстью, явно стараясь выбить у меня из головы всю постороннюю дурь. И не только из головы, уж поверьте. А она это может. Весьма и весьма умело.

Сладкую вечность спустя Маша рухнула в мои объятия, тяжело дыша.

Пауза в наших действиях и разговорах.

Звезды.

И вот вы вновь удостоены нашего внимания. Отдышавшись, вы вновь можете смотреть на нас.

Отойдя от огненной страсти, восстановив дыхание и вернувшись к поэтической романтике, царица спросила:

– Но хотя бы вторжение марсиан нам не грозит?

Улыбаюсь и нежно промакиваю полотенцем капли трудового пота с тела августейшей жены.

– Нет, в ближайшие сто лет ни вторжение марсиан, и ни кого бы то ни было другого из космоса нам не грозит. Что будет дальше, как ты понимаешь, я не знаю. Может, прилетит страшный черный звездолет с какого-нибудь Сириуса и тогда начнется жуткое веселье. В будущем было снято множество фильмов о вторжении инопланетян, но в ближайшие сто лет ничего такого не случится. Это я тебе гарантирую.

Императрица кивнула. Затем вновь спросила с ноткой романтики:

– Миша, а какие они?

¹ События книги «Империя. На последнем краю».

– Кто, радость моя?

– Марсиане.

Новый поцелуй.

– Их вообще нет, дорогая. Марс необитаем. В Солнечной системе нет жизни, кроме нас. Во всяком случае, к тому моменту, как я перенёсся сюда, её еще не нашли, хотя наши аппараты облетели все планеты.

Маша вскинула голову и пытливо посмотрела на меня.

– Что, правда никого нет? – В её голосе вновь зазвучало горькое разочарование.

Киваю.

– К счастью, правда. У нас и так полно забот со всякими революциями, войнами, реформами, заговорами и прочими бомбистами, а вот бы ещё и марсиане или, прости Господи, сатурниане прилетели на нашу голову. Зачем нам это надо?

Но умницу Машу трудно сбить с мысли.

– погоди, а зачем ты тогда тратишь столько денег на поиски марсианского корабля на той же Подкаменной Тунгуске? Сухаревская башня и прочие институты? Зачем финансируешь все эти безумно дорогие исследования, оплачиваешь гонорары популяризаторов и писателей, тратишь такие средства на кинофильмы о Марсе, если там нет никого? Вот тот же Герберт Уэллс щедро профинансирован тобой за его вторую «Войну миров» и многочисленные интервью на эту тему в европейской прессе. Граф Алексей Толстой получил Императорскую премию в области литературы за свою «Аэлиту», в которой инженер Лось и георгиевский кавалер Гусев свергают марсианскую клику и устанавливают там наше Освобождение. А Ханжонков, твой любимый, снял очередной фильм на эту тему, получив хорошую дотацию, опять же, из наших личных средств, отхватив к тому же за эту картину первый приз Имперской киноакадемии. Я уж не говорю о профессоре Циолковском, который не только буквально высасывает из казны деньги на поиски марсиан и прочие космические исследования, да ещё к тому же подбивает профессора Теслу настоять на увеличении ассигнований на его безумные проекты!

В жене вновь проснулась прижимистая Драконица, и она уже требовательно смотрела на меня.

Нежно её обнимаю. Вот в эту ночь мне конфликтов точно больше не нужно. Сыт по горло выяснениями отношений и разбором полётов. И вообще, что может быть приятнее для мужчины, чем лежать в постели с любимой женщиной?

Да уж, повезло мне с женой.

Прав был светлейший князь Волконский, утверждая, что принцесса Иоланда Савойская наведет у нас шороху. Она и навела.

Умная девочка. Опасная девочка. Очень.

И вчера, на свой день рождения, она расслабленно вскрыла меня, как раковину с устрицей. Изящно и красиво. Одним уверенным движением.

Искренне целую свою любимую. И это не формальный ритуал. Это не только дань любви, но и уважения. Почти два года я петлял по России и Европе, стараясь играть роль простого и везучего императора. Но не срослось.

Жена меня разоблачила. Да так, что все Шерлоки Холмсы и прочие детективы отдыхают. Железные факты и её отточенная логика приперли меня к стенке. Маша меня порвала, как Тузик грелку. Точнее, как Драконица порвала бы Тузика вместе с грелкой в его зубах.

Прямо в будке. Походя. Задав лишь один вопрос, подводя итог своих разоблачений: «Кто ты, Михаил Романов?»²

Слишком много фактов обо мне узнала моя милая за прошедшие два года под видом накопления материалов для биографической книги, терпеливо собирая их крупица к крупице,

² События книги «Империя. Исправляя чистовик».

факт к факту. Причем собирала она эти материалы «на книгу», не ставя меня об этом в известность.

И в какой-то момент она поняла, что до 27 февраля 1917 года и после этой даты действовали на исторической арене два совершенно разных человека, пусть внешне и не отличимые друг от друга.

Обнаружив это, Маша взялась за дело всерьез и с большим азартом. У неё были для этого все возможности и своя собственная служба разведки. Эта тайна влекла её. Да так, что она даже приставила ко мне баронессу Мостовскую, чтобы убедиться в своих подозрениях о том, что я – не бывший великий князь Михаил Александрович, ставший императором после отречения Николая Второго, а какой-то другой человек. Это был неожиданный шаг с её стороны – приставить к мужу его бывшую возлюбленную, от которой у него имеется старший сын. Это был рискованный шаг. Но римская школа интриг не дала ей сбиться со следа, уступив инициативу своим чувствам и ревности. Нет, она не сбилась и не отступила. И да, она была, безусловно, права, мой прадед бы не удержался от нового романа с Ольгой Кирилловной. Но я – смог. У меня не было чувств к ней. К тому же мне-то она приходилась прабабкой.

Но Маше откуда было об этом знать?

Я знал, что она ревнует к Мостовской, и не понимал, зачем жена приставила её ко мне. Вопреки всей логике. Я гадал о причинах, побудивших Машу сделать это, и не находил объяснения. А тут ещё Мостовская влюбилась в мою оболочку/личность с новой силой. Мы всё время находились на грани скандала, периодически давая императрице повод для ревности.

И Маша не могла не знать об этих ситуациях. Чего только стоит её милая телеграмма мне в Рим с одним-единственным словом: «ОБЪЯСНИСЬ». Признаться, я был в панике тогда, не зная, что и думать.

Два года её потрясающего терпения и милых улыбок. Два года огненной страсти и искренней любви. Два года холодного внимания и бесстрастного анализа.

Чтобы в один прекрасный день сделать свой ход.

Да.

Рим.

Вечный город.

Италия. Не перестаю поражаться глубине и размаху тайных дел твоих.

Тысячелетия смертельных интриг и кровавого коварства, лишь часть из которых, для детишек, описал наивными и простыми словами старик Макиавелли в своём «De Principatibus». Уверен, что для Лоренцо деи Медичи он давал советы совсем иным слогом и иным наполнением.

В общем, мне было уже не отвертеться. Концы с концами моей легенды уже никак не сходились, а наследие инквизиции никуда не делось. Там умели задавать вопросы. К тому же, как оказалось, я временами бормочу во сне. И не только всякие державные секреты, но и совершенно дикие для неё вещи.

Секреты-то – ерунда, у жены и так полный доступ к государственной тайне, тем более что сводки Ситуационного центра о текущих событиях ей доставляются постоянно. А вот моя болтовня из будущего явно выбивалась из образа христианнейшего царя-батюшки, вождя народу и отца солдатам. Такого себе рубахи-парня без страха и упрёка...

И, откровенно говоря, я думал, что после моего разоблачения всё между нами и закончится. Что наступил для меня в жизни облом. Полный и неизбежный разрыв с любимой женщиной. Развестись мы, конечно, официально не развелись бы, интересы короны этого не допускают, но настоящей семьи у нас бы больше не было. Ведь невозможно жить с человеком, который знает твоё будущее. Но Маша смогла.

Иной раз горячие молитвы даруют силы верующему человеку и творят воистину чудеса. А Маша веровала искренне и истово, как и подобает настоящей итальянке. Хотя она теперь уже на все сто процентов русская. Часто более русская, чем мы сами.

К нашему стыду.

Маша смогла со мной жить и дальше по очень простой причине. Ведь она после своих долгих молитв пришла к выводу, что я не знаю будущего. Я тут таких дров уже наломал, что того, известного мне по прошлой жизни, будущего уже не случится никогда.

Что ж, вероятно, это действительно так.

Итак, нас фактически стало двое в этой Вселенной. Попаданец и его любимая. Пусть моя милая царица сама не из будущего, но она теперь всё знает о нём. Или всё узнает. Она буквально выкачивает и выпытывает у меня мои воспоминания о будущем. И процесс этот скоро не закончится. А это значит, что она на всё вокруг будет смотреть, да и уже смотрит, совершенно иным взором, понимая глубинный смысл и причины происходящего. Как и то, к чему это в итоге приведет.

А это много значит и многое даёт.

Знал бы прикуп – жил бы в Сочи. Так говорили в моём будущем.

Прикуп я знал. Потому и жил во владетельном особняке на личном острове посреди собственного моря, окруженного берегами моей Империи.

Император Михаил Второй Всероссийский, Михаил Десятый Ромейский и Михаил Первый, Император-Август Единства. Три в одном. Три короны на одной голове. Как, впрочем, и на миленькой головке, лежащей в моих объятиях восемнадцатилетней девушки. Правда, она Императрица-Кесарисса Единства, второе лицо с моими правами – вдруг что со мной случится, но не суть. У неё и так власти предостаточно.

А ещё перед этим, перед обретением сего сверкающего ювелирного гарнитура в качестве приза, я умудрился предотвратить революцию и разгром России в Великой войне. Предотвратить войну Гражданскую, разруху и гибель миллионов. Завоевать Ромею. Провести земельную реформу, ввести в России Конституцию и выборы в новый парламент. Обошлись мы тут безо всяких там Учредительных собраний. Избранная Пятая Госдума сформировала правительство, и я утвердил премьер-министра, выбрав из нескольких предложенных Думой кандидатов.

Что поделывать, в России сейчас дуалистическая монархия. Это в Ромее у меня чистый и незамутненный абсолютизм самодержавия, а вот в России я демонстративно играюсь в Конституцию, так что приходится мне вести себя подобающим образом, соблюдая ритуалы и давая депутатам драть глотки в парламенте, а не на площадях и митингах. Впрочем, у меня был компромат почти на каждого из этой тусовки, а Высочайший Следственный комитет крепко держал их за горло, так что лишнего они себе не позволяли. Слишком яркими были воспоминания у депутатского корпуса о повешенных рядком на Болотной площади руководителях и прочих депутатах Четвертого созыва Государственной Думы, посмеявших влезть в заговор против императора³. Один заговор я им простил, помиловав в честь своего восхождения на престол, а вот второй, затеянный уже против меня самого, я расценил как личное оскорбление. Так что и новые депутаты чётко понимали, что это не абстракция, что я держу их за глотку и, если что, за эту самую глотку могу их и повестить.

Ладно, это мысли не для супружеской постели.

Что ж, много дел я тут наворотил, изменив мир до неузнаваемости. Великая война, блистательный триумф в эпической битве с немцами при Моонзунде, разгром Османской империи, Проливы, ставшие нашими, и крест над Святой Софией. И Остров, как неформальный

³ События книг «1917: Да здравствует император!», «1917: Трон Империи» и «1917: Государь Революции».

центр объединенной теперь Империи. Тут нечего добавить. Разве что развевающийся ныне флаг Единства над русским кварталом в Иерусалиме⁴.

Новоримский Союз – вот ещё туда же, в список моих побед. Союз, включающий в себя Россию, РOMEЮ, Италию, Грецию, Болгарию, Сербию, Румынию, Славокорусинию и Черногорию. Союз, волею событий возникший в нашей части Европы. И переговоры с уже почти союзной нам Германией. Переговоры, в результате которых мы с кайзером Вильгельмом крепко ударили по рукам и поделили весь мир на сферы влияния, фактически договорившись, что Новоримский Союз и Нордический Союз будут, вдруг что, драться спина к спине, прикрывая друг друга и помогая друг другу в битве против общих врагов.

И главный приз моего попаданства лично для меня – любимая женщина и замечательные дети.

Таков каприз истории или тех сил, которые стоят над ней.

Сказка – так могут сказать многие. Но пройти этот мой «сказочный» путь длиной в два с лишним кровавых года я не пожелаю даже своему злейшему врагу.

Злейшему.

Как я дошел до такой сладкой жизни?

Плохо дошёл. Дошел сквозь сражения, боль, грязь и кровь. Приходилось активно воевать, в том числе и лично. Приходилось убеждать. Выступать на митингах перед огромными толпами, в том числе и вооруженных людей. Даже с броневика однажды выступил на Красной площади, было дело.

Покушения, убийства, жизнь, полная интриг и подлых ударов в спину. Сотни погибших. В том числе и среди дорогих мне людей. Взрыв в Зимнем дворце. Сгоревший Александровский дворец в Царском Селе. А пламя гигантского взрыва на Красной площади на Пасху семнадцатого года я не забуду никогда. Как и не прошу никому разорванных на куски мамá и Сандро. Изуродованную революционными пулями графиню Брасову. И всех тех, кто погиб, служа мне⁵.

Я мстил.

Жестоко. Беспощадно. Коварно. Изысканно. С наслаждением.

Ведь это только в мечтах юных барышень и в фантазиях «любителей французской булки» жизнь дворцовая это сплошные балы, любовные интрижки и прочие удовольствия. Нет, этот мир жесток и циничен, а самым жестоким и циничным является мир высшей власти и самых больших денег. Разборки братков в девяностых отличаются от мира, в котором я имею удовольствие сейчас жить, только масштабом. Масштабом жестокости и масштабом цинизма. При всём внешнем лоске и изыске, разумеется.

Я убивал. Много. И не только на войне.

Разорванный на куски бомбой король Британии Георг V, убитый Уинстон Черчилль, утонувшие в бухте Нью-Йорка, вместе с взорванной яхтой, жирные гости магната Джейкоба Шиффа и он сам, пораскинувший там по бухте мозгами, – все они лишь часть длинного списка результатов моей мести⁶.

Игра ещё не закончена. Смерти ещё будут. Экспедиция Службы егермейстера двора и сам князь Емец-Арвадский не зря едят черную икру с моего стола. Охота за зверушками будет продолжена. Она лишь набирает свою силу.

Смерть своей матери и покушения на Машу я не прощал и не прошу никому.

Приходилось мне и вешать. Повешенный вместе с братьями на той же Болотной площади бывший великий князь Кирилл Владимирович не даст соврать.

⁴ События книги «Император двух империй».

⁵ События книги «Император мира».

⁶ События книги «1917: Марш Империи».

Да, много было всего. В том числе массовые казни, аресты и расстрелы бунтующих. Но есть ли в истории творец Империи, не испачкавший свои руки в крови и грязи хотя бы по локоть? Хорошо бы самому не захлебнуться в крови и грязи. В сладком этом дерьме, именуемом властью.

Впрочем, нет, лично я, собственными руками, никого тут не убивал, если, конечно, не считать многочисленных сражений всех четырех войн, которые я прошел в обоих временах. Унтер Кирпичников, в которого я тогда, в Гатчине, стоя над изуродованным телом графини, в ярости загнал все десять пуль из своего маузера, не в счет⁷. Хотя, не будь я тогда в состоянии аффекта, он вряд ли бы отделался так легко. Графиню Брасову я бы ему никак не простил. Уж я Кирпичникову показал бы небо в алмазах... Как и остальные его поделники не обошлись бы простым и банальным расстрелом.

Ладно, дело прошлое. Да и не пристало вспоминать прошлую жену в горячей постели жены нынешней.

Любимой жены. Очаровательной девушки, прелестной принцессы, старшей дочери итальянского короля. Романтической натуры. Коварной и беспощадной. Что ж, она тоже циничный продукт жестокой системы большой власти и больших денег. Рим и Ватикан. Лучшая школа. Чему же тут удивляться?

Её не раз предавали свои же. Её подставляли. В неё не раз бросали бомбы. Она чудом осталась жива при взрыве в Таранто, благо тогда Жилин в прыжке прикрыл её своим телом. А чего стоит бомба, брошенная прямо нам под ноги в Риме?! А крики безумца, что мы с Машей вестники Апокалипсиса? И это при том, что жена моя искренне и истово верующая в Бога? При такой активной, полной приключений, жизни повзрослеешь очень быстро.

Нужно ли говорить о том, что определенный опыт в интригах у неё имеется?

Отвечаю мягко:

– Режиссер Ханжонков, радость моя, отнюдь не мой. Во всяком случае он не больше мой, чем любой из наших с тобой подданных. Моя – ты. Мои – дети. Что касается наших семейных трат, то пусть уж лучше люди мечтают о яблонях на Марсе и живут абстрактным светлым будущим, чем лишний раз воюют между собой. Вообще же, полет на Марс, а, тем более, поселение там обойдутся желающим дороже всей минувшей Великой войны, вместе взятой. В ближайшие сто лет никто живой к Красной планете не полетит, но вот *мечта* об этом стоит дорогого. Так что пусть. Деньги – тлен. Зато вспомни, сколько молодых романтиков с горящими энтузиазмом глазами поступило в наши университеты и технические училища после экранизации «Аэлиты»! А как многие, в качестве тренировки перед полетом на Марс, записались в сибирские и полярные экспедиции! Так что Марс очень нам нужен, и на это денег совершенно не жаль. Наука и образование – вот наше будущее. Всё вернется сторицей.

Маша посмотрела на меня, кивнула и опустила голову мне на плечо.

Я обнял её, заботливо прикрывая простыней весьма соблазнительную и очень желанную для меня наготу. Желанную, впрочем, не только для меня, но и для всякой кровососущей твари, будь она неладна. Привычными мне средствами от комаров мы еще не обзавелись. Да и какие будущие средства помогли бы тут, под открытым небом, когда море вокруг и лишь небо над нами, да яркие звезды мерцают в вышине?

Впрочем, в нашем царском доме было не сильно-то лучше в этом плане. Окна-то открыты.

А системы кондиционирования нашего нового кадрового приобретения – американского инженера Уиллиса Кэрриера – пока в наших покоях не установлены. Я дал указание господину Кэрриеру обеспечить комфортной атмосферой в первую очередь залы моего Ситуационного центра. От ясности мыслей моих офицеров зависит куда больше, чем может подумать обыча-

⁷ События книги «1917: Да здравствует император!»

тель. Мы же с Машей подождем. Тем более что господин Кэрриер никуда от нас не денется. Он и ромейское подданство уже принял, и ключевых сотрудников перевез из США в Константинополь, и, главное, получил настолько ошеломительный портфель заказов, что я давно не видел такого опалелого выражения глаз у бизнесмена. Как там говорил Карл Маркс? Буржуазия за триста процентов прибыли пойдет на любое преступление? Так господину изобретателю кондиционера и убивать никого не придется. Более того, я ему дал деньги, большие льготы, выделил площадку под завод и обеспечил всем необходимым для технического развития и бурного роста.

Ну и что, что кондиционер сейчас размером с большущий сарай? Перспективность данного направления я знал прекрасно и отлично понимал, какие барыши и технические выгоды мы получим. Мы и лично я. Ведь мне прямо или через подставных лиц принадлежит сорок процентов акций концерна «Ромейские кондиционеры Кэрриера». А заводов и торговых фирм концерна РКК появится вскоре великое множество. И не только в Ромее и в России, но и в Италии, да и в прочих Германиях. Уж светлейший князь Владимир Волконской вместе с графом Жилиным сумеют развернуться во всю мощь в Европе. Да и в Америке. Зря, что ли, эти уважаемые пройдохи управляют моими теневыми финансами, сидя в своей Италии? А денег мне надо просто потрясюще много.

Невообразимо.

Мне ещё индустриализацию Империи проводить. Она, конечно, уже идет полным ходом, но сделать-то надо намного, *намного* больше. Заводы, электростанции, пути сообщения, каналы, новые города...

А я не Советская власть. Мне аккумулировать средства на инфраструктурные проекты намного сложнее, да и бюджетобразующего экспорта нефти и газа, как в Российской Федерации, у меня тоже пока нет. Да и экспорт зерна у нас практически остановлен, ведь мы создаем запасы для обеспечения продовольствием населения в предстоящие голодные годы. Создаём запасы и полным ходом строим хранилища, элеваторы и прочую инфраструктуру, а это требует денег. Даже импортируем сейчас продовольствие для Ромеи из Румынии и Болгарии. Тоже не бесплатно. Вот и приходится как-то крутиться.

И таких инвестиций в будущее, как в концерн РКК, у меня множество. По всему миру в деле у меня крутятся миллиарды долларов. И не тех фантиков в виде резаной зеленой бумаги, которые назывались баксами в моем будущем, а настоящих, полновесных, обеспеченных золотом, долларов США, стоивших в шестнадцать раз дороже, чем в моём в 2015 году.

Мы инвестируем. Покупаем технологии и мозги. Строим заводы. Выкупаем через подставные прокладки доли в различных перспективных проектах и берем в концессию месторождения. Я даже велел потихоньку начать скупку урана.

Помимо военно-государственного управленческого Ситуационного центра у меня работа и Комиссия перспективных направлений – мозговой центр экономического и технического развития Империи во главе с Семеновым-Тян-Шанским Вениамином Петровичем. Создается и Союзплан Новоримского экономического сообщества. Будем оптимизировать стратегические заказы на наших союзных мощностях.

Так что всё, как говорится, отдано на откуп слепой стихии рынка.

Шутка. Нет у меня денег на все эти благоглупости. И времени у меня нет. Эффективность развития государства встала во главу угла. Впереди – война. А война это, как известно, война.

Кстати, надо будет потом другому князю Волконскому, который Петр, дать команду перетереть со Святым Престолом возможность установки наших систем кондиционирования в Ватикане. Думаю, что Бенедикт XV уважит. Он интриган ещё тот и, конечно, что-то захочет взамен. Пришлет опять камерленго Святого Престола кардинала Аугусто Силия про что-нибудь поторговаться. Разумеется, не по теологическим вопросам будет стрелка. Кардинал Силий по такой фигне не путешествует в чужие страны, для этого другие кардиналы имеются.

Банк Ватикана есть Банк Ватикана. Что ж, это большой бизнес, тут без взаимных уступок и выгоды ничего не бывает. Однако установка кондиционера в самом соборе Святого Петра будет хорошей рекламой и подстегнет развитие нашего собственного бизнеса. Да и, вообще, сам вопрос установки таких систем приятного воздуха даст нашему ГРУ возможность попасть во множество интересных и вкусных мест по всему миру. Правительственные учреждения, банки, торговые центры и прочие небоскребы с предприятиями, в том числе и военными. А уж действовать через подставных лиц наши ребята научились прекрасно.

Как по заказу у моего уха прожужжал комар. Взмахом руки отгоняю проклятую тварь от любимой женщины. Вот же зараза...

Конечно, мы применяли существующие методики защиты, в виде аромомасел, а маленькая жаровня источала легкий дымок валерианы, отгоняя комаров, но стопроцентной гарантии народные средства тоже не давали. Не будем же мы смазываться в постели маслом и жевать чеснок, правда?

Я кутаю любимую, стараясь прикрыть её от насекомых. Пусть даже мне эта проклятая простыня и мешает любоваться её молодым гибким телом.

Да, жизнь на Острове имеет свои недостатки. Впрочем, в Подмоскovie, в нашем имении Марфино, сейчас ничуть не лучше. Только прохладнее слегка. Да, там бы мы вот так не полежали под простынькой на улице. Сводки погоды говорят о похолодании в Москве. Что ж, я в Первопрестольной порой видел снег даже в июле.

Ловлю себя на схожести слов «простынка» и «простыть». Да, так бы и было.

Жизнь на Острове имеет свои преимущества. Определённо.

Вновь интересный женский вопрос:

– А ты мне ведь не скажешь, за кого я вышла замуж в твоей истории?

Улыбаюсь.

– Я не помню.

Усмешка.

– Врешь.

Кивок.

– Вру.

Вздых, в котором слышится умиротворение.

– Ну, и правильно. Ври дальше. У меня есть только ты.

Женщины. Логика ваша мне порой непонятна. Прижимаю императрицу к себе.

– Как и только ты есть у меня самого, радость моя.

Но Маша долго спокойно лежать сегодня не может, и червь любопытства заставляет её задавать самые разнообразнейшие вопросы.

– Любимый, а какая она, Москва твоего времени?

В голосе зазвучала мечта, и я не мог разочаровать жену.

– О, она прекрасна! Огромный город. Миллионы автомобилей, яркие огни экранов реклам, высотки и небоскребы, повсюду парки, бульвары, проспекты. Гуляющая публика. Всюду музыка.

Она вновь пытливо взглянула на меня.

– Миллионы авто? Сколько же людей жило в твоей Москве?

Смеюсь.

– У подавляющего большинства москвичей был личный автомобиль. А то и два. Впрочем, было много и приезжих. Что касается численности населения, то официально было около 12,5 миллионов, но неофициальные источники утверждали, что, судя по объёму потребления продуктов в магазинах, одновременно в Москве находилось порядка 20–25 миллионов человек, а в целом Первопрестольная, ее пригороды и города-спутники насчитывали в общей сложности порядка сорока миллионов жителей. Плюс ежедневно приезжающие на работу из сосед-

них губерний. А таких тоже миллионы. Каждый день. Только для того, чтобы перевозить такую прорву народу, городу требовалось порядка трех сотен станций подземного метрополитена, плюс наземные поезда. Метро строилось непрерывно, с десятков станций открывалось каждый год, а метropоезда ходили с интервалом в одну минуту.

Маша пораженно спросила:

– Москва была намного больше Рима?

– Ну, трудно сказать, я не сравнивал. Раз в пять больше. А может, и в десять.

– Обалдеть!

Жена вновь улеглась мне на плечо.

Да, уж, нахваталась императрица словечек от меня.

– Нарисуешь мне свою Москву?

Киваю.

– Да, солнышко. Нарисую. И мы с тобой её построим. Ещё лучшую, чем она была в моей памяти. И всю нашу Империю. Намного лучше, чем была у меня. Мы же не допустим ужасов моей истории здесь, верно?

– Да, любимый. Не допустим. Для этого мы тут и правим...

Уже через минуту Маша мирно спала. Спи, любимая. Счастье моё.

Что мне сейчас все войны, интриги и проблемы? Все заговоры, грядущие олимпиады и великий голод? Что мне нынешняя Москва, перешагнувшая рубеж в два миллиона человек, и моя Империя, где уже пошел счет на третью сотню миллионов? Империя, в которой прирост населения достиг цифры в пять миллионов человек в год, и всех надо было чем-то кормить, одевать, обувать и спать укладывать? Учить, лечить и давать возможность развиваться? Что мне Новоримский Союз, раскинувшийся от Средиземноморья до Тихого океана, с общим населением в триста тридцать миллионов, желающих вцепиться в глотку всем, в том числе и друг другу? Что мне кайзер Германии, король Британии, император Франции и даже мой царственный тесть – император Римской империи? Что мне война в Румынии и Афганистане? Волнения в Туркестане или в тех же Египте с Ирландией? Конфликт с Норвегией? Что мне Монголия или земельная реформа в России? Что мне вечные проблемы с финансами и с запасами концерна «Закрома Родины»? Тем более что мне Тесла с Циолковским?

Все это завтра.

Я дома. Я обнимаю мою любимую женщину.

Между нами больше нет никаких тайн. Больше нет ста лет напряжения. Мы объяснились. И не убили друг друга при этом.

Это главное.

Было непросто. Но больше нет тайн между нами. Моя душа спокойна.

Я – пришелец. Я – попаданец. Император из будущего. Император из двух времен. И ты, счастье мое, теперь это знаешь. И ты приняла это. Возможно, я теперь даже перестану болтать, метаясь по подушке во сне, просыпаясь в ужасе и в холодном поту, так боясь разоблачения.

И, надеюсь, тебе не придется впредь ночью, резко просыпаясь, горячо прижимать меня к себе, согревая теплом своей любви, успокаивая мою отчаянную дрожь, гоня терзающие мою душу страхи и постоянные кровавые кошмары.

Хотя нет, от тепла твоей любви я не откажусь никогда.

Спи моё солнышко. Люблю тебя.

Ты лучшая жена на свете. Я счастлив с тобой.

Спасибо, что ты у меня есть и ты такая, какая есть.

Глава 2

Император, курящий «Герцеговину Флор»

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 3 июня 1919 года

Сладкие звуки стихли в ночи. Ольга Николаевна лишь вздохнула завистливо. Что ж, нынешняя императрица Мария не стеснялась выражать свои чувства в ночное время, как, пожалуй, это и подобает настоящей итальянке. Нет, конечно, Маша уже два года как русская, но горячая средиземноморская натура принцессы Иоланды Савойской никуда не делась.

Равно как и почти ежедневное пение на балконе демонстрировало не только её, надо признать, прекрасный голос, но и весь её внутренний огонь.

И как возможно такое сочетание в одном человеке? Пламенная страсть в любви и ледяной холод в интригах, жгучесть порывистой натуры и тонкий терпеливый расчет, когда Мария ждала месяцами или даже годами, ожидая благоприятного момента для нанесения рокового удара?

Да, уж. Рим. Вечный город. Тысячелетний Савойский дом. И Ватикан по соседству. Старая изощренная школа интриг и коварства.

Ольга потянулась за чашкой травяного чая. Уже порядком округлившийся живот мешал ей, но она терпеливо сносила неудобства. Главное выносить и родить Каролю здорового наследника престола, остальное уже не так важно. Разве не в этом состоит долг королевы Румынии?

А дела в Румынии шли не так уж и хорошо. Равно как и у её царственного мужа Кароля II.

Конечно, Трансильванская война шла своим чередом. Румынская армия и «войска добровольцев» наступали. Но удастся ли переломить ситуацию в самом Бухаресте? Ведь в столице Румынии далеко не все были за Кароля. Несколько раз страна была на грани государственного переворота. В последний, как надеялась Ольга, раз, Кароля и его (и её) корону спасло только срочное прибытие в Бухарест самого дяди Миши. Со всеми средствами усиления.

Огромный дирижабль в небе, дюжина бомбардировщиков, полторы сотни единиц бронетехники на главной площади Бухареста из числа «Её Собственного автобронедивизиона королевы Ольги», обозначающие её статус и, главное, отношение к ней самого императора Михаила Второго. Который, если что, то...

Да, дядя Миша ей обещал, что всё будет хорошо, а дядя Миша слов на ветер, как всем известно, никогда не бросает, но всё же...

Оленька вздохнула.

Дядя Миша. Даже не знаешь, как к нему относиться. С одной стороны, он вззошел на престол вместо папá, чем, мягко говоря, значительно осложнил жизнь дочерям уже бывшего монарха, превратив их в презренных парий среди членов великих Домов. Но, с другой стороны, он сделал для России многое из того, что оказалось не по силам его старшему брату. Завоевал Проливы и Ромею, победоносно завершил войну и сделал многое другое. Ввел в России Конституцию и передал формирование правительства новой Госдуме. Да и самим дочерям старшего брата он постарался не портить жизнь, сохранив за каждой миллионное приданое и демонстрируя всячески своё расположение. И её лично, и сестры Танечки венценосные свадьбы случились именно потому, что августейший дядюшка надавил на монархов Румынии и Сербии, четко привязав свою неоценимую помощь к этим бракам.

Да так привязал, что Каролю и Александру пришлось смириться, осознанно пойдя на риск гемофилии.

Ольга вздрогнула.

Господи Боже, как же страшно! Носить под сердцем первенца и каждый раз с ужасом просыпаться от одной мысли, что твой ребёнок получит такое же наказание, как и твой собственный брат Алёшенька.

За что её семье такое наказание?!

Во всём виновата царственная бабка – британская королева Виктория и её гнилое семя. Так шептались в высшем свете и в королевских домах Европы.

Оля знала, с каким ужасом ждет рождения малыша Кароль II. И с какой надеждой ждут этого несчастья его враги.

Дядя Миша заверяет её, что всё будет хорошо, но ему-то откуда это знать?

Она вздохнула. Как ей одиноко здесь, на Острове. Но в Бухаресте было ещё хуже. Особо первые месяцы, пока они с Каролем наконец-то не поговорили по душам. Но Кароль сейчас там, а она здесь. И муж её опять ходит по краю пропасти.

Папá и мамá не пустили ни в Сербию, ни в Румынию. Так и сидят в своем Монако. И тут, как была уверена Ольга, без дяди Миши не обошлось, слишком уж много неприятностей мамá ему доставила своими разговорами о правах на престол. Да так много болтала об этом, что, когда терпеливый дядюшка заболел «американкой» и реальная власть перешла к императрице Марии, пришлось родителям, двум младшим сестрам и двум братьям спешно покинуть Ромею, буквально бежать на подводной лодке, а затем на греческом самолете перелететь на Кипр. Правильно ли они поступили? Бог весть.

Но Ольга знала, что это не просто суета. Мамá была готова к перевороту. И стремилась его возглавить. Бывшая принцесса Иоланда Савойская была против этого. Решительно.

И Ольга тогда очень боялась, что эти события повлияют на их с Танечкой будущие браки, тем более что императрица Мария почти месяц правила Единством единолично, не испытывая при этом к ним никаких теплых чувств. Но Богородица миловала, новая царица не стала им портить жизнь, а выздоровевший от «американки» дядя Миша надавил на Румынию с Сербией. Как и на Болгарию, царицей которой стала сестра нынешней государыни Мафальда Савойская.

А мамá пишет письма. Бегство не только не остудило её жгучее желание «вернуть трон в семью», но и подхлестнуло к новым интригам. Чаще всего к абсолютно глупым и опасным интригам, в которые она пытается втянуть и саму Ольгу, и её сестру Татьяну. Читая эти письма, Оленька прекрасно понимала настроения папá, хотя ей и не нравилось, что он стал завсегда-таем казино в Монте-Карло.

Фактически новости о семье Оля узнавала только из писем младшей Анастасии, которая часто писала сестрам, рассказывая новости, делясь переживаниями, описывая жизнь Алексея и их младшего брата Николая. Сестра Мария ей из Бирмы писала редко, явно обживаясь в новой стране.

Да, вот так судьба разбросала бывшую августейшую семью по всему миру.

И судьба теперь не только в их руках. Хотя кто знает, как сложилась бы их жизнь, если бы папá остался на троне?

ТЕКСТ ВИТАЛИЯ СЕРГЕЕВА

ИЗ СООБЩЕНИЯ ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА РОССИИ И РОМЕИ (ТАРР). 3 июня 1919 года

Из Мексики сообщают, что в ходе тяжелых боев частям КРРА под командованием комдива Гилдардо Маганья Герде удалось выбить части анархистской Южной революционной армии Нестора Махно из столицы Чьяпаса⁸ города Тустла-Гутьеррес. Махновцы отеснены на 20–30 километров от города.

Срочное сообщение из Гватемалы. По непроверенным данным отряд команданте Марусья⁹ захватил города Миско в 17 километрах от столицы страны.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 3 июня 1919 года

Мы сидели в саду. Я восседал на плетеном диване, Маша же расслабленно сидела в кресле и неторопливо лакомилась виноградом, не забывая поглаживать урчащую маленькую пантерицу у себя на коленях.

Разумеется, я сидел на диване вовсе не по причине того, что мне захотелось валяжно развалиться, а по причине весьма прозаической, хотя и чрезвычайно важной для меня. Всё дело в том, что по мне всячески топтались и висли на мне Сашка и Вика, выражая свою радость по поводу прибытия домой венценосного отца. Откровенно говоря, я не очень представляю, что у них там в головках творится в год и месяц от рождения, но теребили они меня весьма активно. Маша лишь посмеивалась тихонько, когда мне доставалось в очередной раз.

Да, такой вот я многодетный папаша. Четверо детей от разных матерей, детей с разным статусом и титулом, с разными правами на престол, но, тем не менее, все они сыновья и дочери императора, нравится это кому-то или нет.

Появилась графиня Воронцова-Дашкова и проследила за тем, чтобы Сашку и Вику доставили кормилицам, поскольку пришло время перекусить. Я знал, как переживает Маша по поводу исчезновения у неё молока, но тут уж ничего не поделаешь. Зато и я сам перестал быть вечно в молоке.

Словно прочитав мои мысли, Маша спросила, вздохнув:

– Миш, а сколько у меня было детей в твоей истории?

Хмурюсь.

– Радость моя, зачем тебе это знать?

Но она тоже не настроена на игривый лад.

– Я хочу знать. Это важно.

Пожимаю плечами.

– Пойми, я не знаю твою биографию настолько хорошо, чтобы помнить все подробности.

– И всё же?

⁸ Чьяпас – штат, в Мексике, с 1919 года разделен: запад – штат в составе Мексиканской Федеративной Социалистической Республики, восток – Свободная территория Чьяпас Народной конфедерации Мезаамерики.

⁹ Марусья (Мария Григорьевна Никифорова, или Маруся Никифорова, 1885–1948) – предводительница анархистов в России, офицер французской армии в Великой войне, военный и государственный деятель Мексики и Мезаамерики, соратница и преемница Нестора Махно.

– Не помню точно. Много. Пять или шесть.

Она кивает и вновь погружается в свои мысли, механически пощипывая изящными пальчиками виноградную кисть. Наконец, вздохнув, она произносит:

– Это хорошо. А то я уже начинаю беспокоиться. Я хочу большую семью, но что-то у нас с тобой пока не получается.

Я слегка опешил.

– погоди, а Сашка с Викой? Да и, вообще, о чём ты? Разве Улезко-Строганова не установила оптимальный график беременностей раз в два года? Прошёл только год!

Кивок, но упрямый ответ:

– Да, помню. Но не год, а уже год и один месяц. Так что второй год уже близится. И я хочу, понимаешь? Очень хочу!!! Но не получается у нас. А я так молюсь об этом Богородице...

Даже не знаю, что тут сказать. Иной раз понять логику женщин я отказываюсь. Лишь соглашаюсь примиряюще:

– Ну, бог даст – получится.

Её серьезный кивок был мне ответом.

– Мы постараемся. Я обещаю.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. РЕСТОРАН «ЦАРЬГРАД». 3 июня 1919 года

– Баронесса, вы назначили мне встречу.

Берголо склонил голову в галантном поклоне. Мостовская, улыбнувшись, приняла из его рук шикарный букет и благодарно кивнула.

– Маркиз, право не стоило.

– Что вы, сударыня, это честь для меня. Прошу вас не отвергать этот маленький знак признательности за саму возможность встречи с вами.

Ольга рассмеялась.

– А вы, маркиз, оказывается ещё тот сердцеед!

Тот делано поднял руки перед собой, как бы обороняясь.

– Ах, сударыня, помилуйте! Разве ж я таков? Не думайте обо мне так дурно!

Официант мгновенно предоставил ей дорогую вазу под букет и, получив искомое, тут же установил вазу с цветами на отдельный столик.

Ольга кивнула и сказала по-русски:

– Ступай, братец. Смею полагать, что маркиз поухаживает за дамой сам. Как придут приглашенные гости, проводи их в наш кабинет.

Официант склонил голову в поклоне.

– Непременно-с. Если чего ещё изволите – всегда рад услужить. Всё сделаем в самом наилучшем виде, да-с. Колокольчик на столике. Приятного вам вечера. Ваше сиятельство. Ваше благородство.

Поклонившись, он выскользнул из кабинета.

Баронесса, смеясь, указала на накрытый стол и вновь перешла на французский язык:

– Прошу, сударь.

Берголо помог Ольге сесть и занял место напротив. Наполнив бокалы, он произнес первый тост:

– За очаровательную и восхитительную хозяйку, пригласившую меня в этот вечер в ресторан. Корю себя за то, что не сделал это первым. Каюсь, не хватило смелости, а моя природная скромность не позволяла мне даже мечтать...

Оля рассмеялась.

– Право, маркиз, пустое.

Она пригубила вино.

– Маркиз...

– Сударыня, умоляю вас обращаться ко мне по имени. Для вас я всегда буду Джино.

Ответная улыбка.

– Тогда для вас я просто Ольга.

– Благодарю вас, Ольга. Я счастлив буду так к вам обращаться.

Маркиз встал и склонил голову в светском поклоне. Мостовская кивнула.

– Ладно, Джино, полноте. Кстати, а почему вы сказали, что вам не хватило смелости меня пригласить?

– Помилуйте, прекрасная Ольга! Вы же мать старшего сына императора Единства! Кто я такой по сравнению с вами? Да и как тут сравнивать?!

Мостовская пригубила вино и сказала серьезно:

– Я уверена, что вы смелый человек, раз решились лечь под прямое переливание крови. Это был безумный по своей отваге поступок. И я пригласила вас сюда, чтобы выразить свою личную и искреннюю благодарность. Вы спасли от смерти моего сына. Я этого никогда не забуду, поверьте.

Берголо изумленно посмотрел на неё.

– О, Дева Мария! Какие тут могут быть благодарности, прекрасная Ольга? Я не сделал ничего такого. К тому же я спасал не только вашего сына, но и дочь своего императора, которому я присягал в верности. Я просто рад, что моя кровь подошла, вот и всё. Вот, кто герой, так это ваш император, я лишь последовал его мужественному примеру. В бою всегда тяжело и страшно вставать в атаку первым, зная, что сотни и тысячи стволов направлены будут именно на тебя. Идти вторым всегда легче – все как-то стреляют в того, кто поднялся первым. Так что, милая Ольга, позвольте к вам так обращаться?

Баронесса кивнула.

– Да, прошу вас, Джино.

Тот склонил голову.

– Благодарю вас. Так вот, у меня перед глазами был геройский пример первого, так что я встал, когда в атаку были готовы идти уже все. Даже папа Римский Бенедикт Пятнадцатый предлагал свою кровь для переливания. Так что никаких заслуг у меня нет. Я просто солдат и дворянин, вот и всё.

Ольга подняла бокал.

– Вы настоящий дворянин, Джино. И я благодарю вас за всё.

– Всегда счастлив служить вам, Ольга.

Они отпили. После чего Берголо вновь наполнил бокалы и спросил:

– Как поживает ваш сын? Уже отошел от болезни?

– Да, благодарю вас. Он сейчас в моем особняке в городе вместе со своим братом Георгием. В Звездном лицее сейчас летние каникулы, так что они могут некоторое время валять дурака и шалить, как это водится у мальчишек. Если всё получится с отпуском, то хочу свозить их на свою новую дачу в Ликийи, там прекрасные пляжи, пусть порезвятся на море.

Маркиз одобрительно кивнул.

– Это прекрасная идея, сударыня. Уверен, что им там понравится.

Ольга невесело усмехнулась.

– Надеюсь, хоть там Мишка развеется от своей грусти...

Берголо удивленно поднял брови:

– Грусти? А что стало причиной, если позволено мне будет спросить?

– Джанна. Точнее сказать, расставание с принцессой Джованной Савойской. Они в Риме так сдружились, что...

Собеседник понимающе кивнул:

– Да, сударыня, я сам был свидетелем, как они были неразлучны в больнице. Только и шептались между собой.

Ольга неодобрительно вздохнула.

– Ах, сударь, я очень переживаю на сей счет. Откуда такое стремление друг к другу. Они каждый день пишут друг другу письма! Но им всего-то по десять лет! Лично у меня это в голове не укладывается. Я думала, что, расставшись, они быстро остынут, но не тут-то было!

Маркиз развел руками.

– Милая Ольга, для родителей их сын или дочь всегда будут детьми. Принцессе Джованне осенью исполнится одиннадцать, а той же Джульетте, когда она познакомилась со своим Ромео, было целых тринадцать. Так что оглянуться не успеете, как придется воспринимать всё очень серьезно.

Видя, что разговор покатился куда-то не туда, а его собеседница явно не настроена радоваться этой теме, он поспешил перевести его в иную плоскость:

– Вы упомянули о своей новой даче в Ликийи. Я слышал, что по всему побережью Ромеи идет большая стройка?

Баронесса кивнула и ответила, впрочем, без особого энтузиазма, всё ещё погруженная в свои мысли и переживания.

– Да, это правда. Стройка идет не только в Константинополе и в Новом Илионе, но и всё ромейское побережье готовится к весне 1921 года. Вместе с открытием Всемирной выставки откроется и туристический сезон. Государь настроен очень серьезно на сей счет. Как и на проведение олимпиады на следующий год в Москве.

Берголо покосился на стоящие приборы и поинтересовался:

– Ольга, простите за любопытство, столик накрыт на четверых. Мы кого-то ждём?

Она кивнула.

– Да, Джино, я хотела познакомить вас с моими хорошими друзьями, как раз приехавшими в город. А, впрочем, вот и они.

Давешний официант распахнул дверь кабинета и пропустил гостей – молодую женщину и статного подполковника.

Ольга и маркиз поднялись, встречая прибывших. Мостовская, как хозяйка вечера, взяла на себя труд представить присутствующих друг другу.

– Джино, разрешите вам представить инженер-подполковника господина Александра Тимофеевича Маршина и его очаровательную супругу – Елену Николаевну Маршину, в девичестве Иволгину. Александр, Леночка, разрешите вам рекомендовать маркиза ди Берголо, одного из спасителей моего сына.

Маршин кивнул и протянул руку для рукопожатия.

– Простите, я плохо говорю по-французски.

Берголо крепко пожал руку прибывшему и с готовностью поинтересовался:

– Какой язык предпочитаете?

– Английский. Я жил некоторое время в Североамериканских Штатах.

Маркиз закивал и тут же перешел на английский:

– Прошу вас, не утруждайте себя с французским. Я свободно говорю на четырех языках, не считая итальянского. Вот сейчас принялся учить ещё и русский. Сложный язык, хочу я вам сказать. Но я стараюсь.

Александр Тимофеевич улыбнулся, а затем сказал со всей серьезностью:

– Мы все наслышаны об этой истории с переливанием крови в Риме. Вы смелый человек, маркиз.

Тот лишь покачал головой.

– Нет, сударь. В той ситуации не требовалось смелости. Я даже не знал, чем мне это грозит. Так что давайте оставим эту тему.

Все расселись. Берголо разлил по бокалам вино и произнес первый всплывший в сознании банальный тост:

– За прекрасных дам! Офицеры пьют стоя!

Маркиз и Маршин поднялись, однако вместе с ними встала и Ольга, отсалютовав сидящей Леночке, которая аж зарделась от смущения.

Перехватив удивленный взгляд Джино, Ольга указала на свою брошь, приколотую к платью. Поняв, что яснее не стало, она после того, как все пригубили и заняли свои места за столом, пояснила:

– Это воинский знак, Джино. Я тоже офицер и даже целый генерал Свиты. Тоже прошла войну и имею боевые ордена. Так что...

Берголо резко хлопнул себя по лбу.

– О, Дева Мария! Конечно! Как я забыл! Мы же с вами коллеги, я ведь тоже военный летчик!

Она улыбнулась.

– Да, это правда.

Тот спохватился:

– Сударыня, милая Ольга, умоляю простить мою бестактность, ваше прекрасное платье сбило меня с толку!

Мостовская рассмеялась благосклонно.

– Нет-нет, Джино, вы просто не привычны к нашим обычаям. Дело в том, что наш государь милостиво позволил женщинам-военнослужащим и гражданским чиновницам вне строя и службы не носить мундиры и вицмундиры. Все же мы женщины, и нам тоже хочется быть красивыми и разными. Хочется носить всякие сверкающе безделушки, что непозволительно по Уставу. И в качестве Высочайшей милости нам, женщинам, даровано право, когда мы в гражданской одежде, носить в виде броши гордый знак, обозначающий наш чин и боевые ордена. Этим мы отличаемся от гражданских, прости, Леночка, и не принимай это на свой счет.

Леночка вздохнула.

– Да, нет, все правильно. Тем более что и учителям, и врачам позволили носить такой знак классного чина. Это честь. Честь в служении на благо Отчизны. Я надеюсь через месяц пройти вступительные испытания на медицинский факультет Константинопольского университета. Поэтому мы, собственно, и приехали в Город из Москвы.

Берголо удивился:

– Позвольте, сударыня, но ведь и в Москве есть университет? Я же правильно понял, что вы живете в Москве?

Та кивнула.

– Да, всё верно, я коренная москвичка. Как и Саша. Но, во-первых, Саша получил сюда перевод по службе, а, во-вторых, в Городе сейчас формируется очень сильная школа. Много ученых и преподавателей из Европы перебираются сейчас в Единство на жительство. Часть едет в Санкт-Петербург, часть в Москву, но основная масса едет именно в Константинополь. Всё-таки новый университет, много вакансий, можно хорошо устроиться. К тому же государь не жалеет средств на поддержание и развитие университета. Строятся новые корпуса, закупается новейшее оборудование, всё по последнему слову техники. Рядом университетская клиника, где мы будем проходить практику и интернатуру. Впрочем, это касается не только врачей. У каждого факультета есть не только свои лаборатории, но и мастерские, конструкторские и технические бюро. Всё это сделано для того, чтобы студенты не только изучали теорию, но и воплощали свои знания на практике, а тот же ученый и преподавательский состав мог совмещать учебный процесс и свои научные стремления к открытиям и изобретениям, в том числе тут же воплощая свои идеи в металле или в другой практической форме. Государь называет

это «кластер» – соединение учебы-учёности-испытаний и производства. Всё в одном и дополняет друг друга.

Леночка перевела дух и завершила свою мысль:

– Так вот, когда я поступлю в университет, я тоже буду иметь право надеть свою брошь в качестве отличительного знака медика. Вот.

Она так победоносно посмотрела на сидящих за столом, словно уже получила вожаденное украшение. Ольга поощрительно улыбнулась. Да, идея Миши (а мысленно она государя никак иначе и не называла) с этой брошью-знаком просто потрясающая. Такая вроде бездельница, а стала, пожалуй, самой модной штучкой сезона. И вряд ли эта мода быстро пройдет. Скорее наоборот, поскольку появление в высшем свете без такой брошки вскоре станет буквально неприличным. Честь в служении на благо Отчизны, не так ли?

Берголо кивнул и, заверив Леночку, что всё у неё получится, обратился к молчавшему инженер-подполковнику:

– А вы, сударь, где служите, если не секрет?

Тот пожал плечами и скупно ответил:

– Прохожу по ведомству Министерства вооружений и военных нужд.

Конечно, трепаться о том, что на него в США оформлены несколько фирм, в том числе и кадровые агентства, переманивающие в Единство лучшие научные и технические умы Америки, он не стал. А то там такие люди проходят, что иной раз и не по себе становится. Вот, тот же Никола Тесла, например.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 3 июня 1919 года

Горел костер. Пылал огонь в глазах моей Маши.

Плетеный диван. Мягкие подушки. Столик с закусками и напитками.

Разумеется, одним прошлым вечером наш «разбор полётов» не ограничился. Думаю, что он не ограничится ближайшими годами. Маша задавала всё новые и новые вопросы. Голод и засуха. «Пылающие небеса». Роль Муссолини и упадок итальянской королевской семьи. Фашизм и нацизм. Истоки и спонсоры Второй мировой войны. Война на море и на суше. Эфиопская кампания итальянской армии. Независимость Индии, Египта и Ирландии. Истоки мексиканских событий и роль в этом русских революционеров. О Нюрнбергском трибунале, в конце концов. Тем более что в Бейруте сейчас готовился наш собственный вариант международного трибунала, в котором должны были осудить военные преступления против человечности, включая химическую бомбардировку Риги, концентрационные лагеря в Германии и Австро-Венгрии, резню армян в Османской империи и прочие британские зверства.

Британия, кстати сказать, наотрез отказалась от участия в работе Бейрутского трибунала. Ну, тем хуже для них. Зато американцы участвовали очень охотно. Эта тема была им очень в масть. Впрочем, и нам тоже.

Конечно, максимализм юной императрицы давал о себе знать, и её оценки, несмотря на школу интриг Вечного города, нередко носили эмоциональный характер. Муссолини того же она никогда не простит, хоть тот ещё ничего в этой истории не сделал. Не сделал, но сделал. Пусть и там. Потом.

А за семью Маша была порвать кого угодно.

– Миша, а почему ты так не любишь республику? Ты же при ней вырос и прожил всю жизнь в том своем далеком будущем?

Мои губы шевелятся хмуро:

– Потому и не люблю.

– А серьезно?

Почему я не люблю республику? Как объяснить это женщине, которая в республиках была лишь в гостях? Да и то лишь с увеселительной целью...

Не люблю я республику. Вот и всё.

– Республика – это совсем не то, что рассказывают про народовластие и прочую демократию. Будучи в том моём будущем руководителем одного из крупнейших медиа-холдингов, я это ответственно заявляю: это всё манипуляции.

– Но ведь ты и в нашем времени создал своё Министерство информации!

Киваю.

– С массами надо работать любой власти. Николай этого не понимал и не умел. Я – умею, поскольку являюсь профессионалом в вопросах формирования общественного мнения и на службу нанимаю профессионалов, типа графа Суворина. Стране нужны реформы и модернизация, а не потрясения и революции.

Не удержавшись, я закурил «Герцеговину Флор» и, выпустив дым, продолжил:

– Возвращаясь же к твоему вопросу, отвечу так. Знаешь, два года назад, в Кремле, объясняя институт монархии, я рассказывал Георгию притчу о садовнике. Я тогда сказал сыну: «Получив сад от предков, садовник должен оставить его своим потомкам цветущим и здоровым, чтобы долгие века шептались между собой листвой деревья, посаженные разными садовниками и передававшими сад от одного к другому из века в век»¹⁰. Монархии мыслят столетиями, а республики лишь периодами до следующих выборов и интересами финансовых групп. Другое дело, что и аристократия вырождается. Кровь нужно регулярно обновлять. В том числе пускать её. Ну, это проблема и республик тоже. Элиты загнивают. Им нельзя давать застаиваться. Это как тромб. Застой крови, который, прорвавшись, может поразить в самое сердце.

Маша серьезно кивнула.

Да, в Единстве сейчас шли аресты. Не так чтобы слишком массовые, чай не переломный 1917 год, но весьма приличные. Бывший мой адъютант и бывший уже полковник Абаканович активно сотрудничал со следствием и давал показания. На повторение процесса в московском Манеже дело пока не тянуло, но многие значимые лица попали под следствие.

Что ж, не надо сотрудничать с британской разведкой. Как, впрочем, и с любой другой. С нашей можно. Нет, мы пока не записывали всех подряд в шпионы Уругвая, но повысить ощущение остроты исторического момента среди элит было полезно. Ведь с момента предыдущего «большого шухера» прошло уже два года, а чистки, устроенные Машей осенью минувшего года, были достаточно гуманными. Императрица даже никого не расстреляла и не повесила. А могла бы.

Но тогда было главным сбить противодействие земельной реформе, выборам в Думу и желание некоторых кругов вернуть трон Николаю. Я был против, но ваш покорный слуга в этот момент жутко и кроваво помирал в Кремле. И система, во главе с Машей, сработала блестяще. Ники с семейством теперь «прячется» в Монако, две его старшие дочери представляют интересы России в качестве королев Сербии и Румынии, заговорщики пошли под суд, а участники «заговора патриотов» получили свои «повышения». Тот же бывший премьер-министр Маниковский стал наместником Севера, а адмирал Колчак получил пост главнокомандующего Северным флотом. Впрочем, после редкого идиотизма у острова Медвежий, когда многопревосходящая русская эскадра получила по носу от норвежцев, я еще подумаю над его дальнейшей судьбой. Как бы он не позавидовал судьбе нынешнего губернатора Чукотки генерала Лохвицкого, отдавшего найденную кучу золота обратно французам¹¹. Вот не люблю я кретинов и всё тут!

¹⁰ События книги «1917: Государь Революции».

¹¹ События книги «Император мира».

Эх, когда уже на сцене появятся выпускники моего Звездного?

А Звездный, кстати, разрастался и развивался. Помимо лицеев в Подмоскovie и в Константинополе, там же открывались Императорские Звездные университеты, имеющие в своем составе не только практическую научную и техническую базы, но и учебные институты – военно-технический, физико-математический, химический, геологический, аграрный, педагогический, государственно-административный, строительный, технологический. Был даже факультет астрономии и астрофизики.

Вся эта прорва учебных заведений должна была выйти к 1930 году на объем выпуска в пятьдесят тысяч дипломированных специалистов в год. И, конечно, неизменной оставалась концепция того, что правами на поступление в Звездный, за именным исключением, обладали только дети, чьи родители сложили свою жизнь за Отечество. Так я формировал свою новую элиту, так я стимулировал солдат сражаться на фронтах за интересы Империи, которая, не дай бог что, не бросит их детей на произвол судьбы.

Империя своих не бросает!

Конечно, были исключения. В основном они касались детей георгиевских кавалеров. Но были и другие исключения. Например, в Звездном учились оба моих старших сына – Михаил и Георгий. Учились они в обычных классах, среди детей простых моих подданных. В основном – очень простых. Буквально из народа.

Я мог бы дать сыновьям домашнее образование. Самое блестящее.

Я мог бы их отдать в Пажеский корпус. Но я не захотел.

Наша новая элита формируется в Звездном.

Все мои дети будут учиться именно там. Сразу на трех факультетах одновременно – на военном, правовом и государственного управления. Это касалось и моих сыновей, и моих дочек, правда для девочек военный факультет заменялся на медицинский или педагогический. В конце концов, будущим королевам предстоит возглавлять в своих странах аналоги ведомств императрицы Марии. Остальные факультеты – по желанию. Благо университет не только позволял учиться на разных факультетах одновременно, но и засчитывал общие предметы в единый зачет. Ту же геометрию или политэкономия студентам не приходилось сдавать дважды. Мы давали будущей элите широту мышления и не требовали тупой зубрежки.

Немало у императрицы было и отвлеченных вопросов.

Какова была мода и какие платья носили в двадцать первом веке? Как дошли до такого бесстыдства? Как быстро укорачивались юбки и как менялись купальники? Отдельно Машу поразило, что в моём времени значительная часть женщин предпочитала ходить в брюках. Мне пришлось даже сделать несколько набросков в блокноте, чтобы примерно показать, как это выглядело в плане женских брюк, платьев, юбок и, главное, купальников. Нужно понимать, что для 1919 года легкомысленные купальники даже весьма сдержанных времен атолла Бикини были просто скандалом на уровне появиться в приличном обществе голой и плясать при этом неприличные танцы. После этого моя любимая даже замолчала на некоторое время, напряженно обдумывая тему. Уверен, что не вопросы приличий она обдумывала в этот момент. Да, Маша, конечно же, потомственная принцесса, тонкий ценитель моды, однако и запах будущей прибыли ей вовсе не чужд. До моей хватки ей далеко пока, но подметки на ходу у любого она срежет точно. Было бы у кого срезать.

В развитие темы брюк жену заинтересовал феномен популярности джинс, как таковых, и одежды из джинсовой ткани в принципе. Она даже сделала себе какие-то пометки в своём блокноте.

И, разумеется, волшебный мир смартфонов, вайфая и прочего интернета не мог не восхитить Машу. Даже телевидение ей показалось чем-то скучным и обыденным. Ну, как радио, только с экраном – что-такого-то?

Конечно, практичная Маша подходила к вопросам сугубо практически. Если до смартфонов ещё далеко, то зачем сейчас забивать себе голову? А вот те же джинсы и прочий гардероб вполне могут принести доход сиротам и прочим призренным, о коих она так беспокоится. Ну, и о своем именном фонде, конечно, она не забывала. Там ведь деньги тоже нужны.

Очень сильно нахмурили императрицу будущие размеры ядерных арсеналов на планете и истории о бомбардировках атомными бомбами японских городов. Японцев ей, конечно, было совершенно не жаль, у нас тут не эпоха толерантности и гуманизма, но она спроецировала опасность на наши города, и императрице это не понравилось.

Много спрашивала про развитие военных технологий, про вертолеты, спутники, беспилотники и прочие танки. Таким не совсем женским темам было посвящено немало времени.

Что касается «женских тем» ведомств императрицы Марии, то Машу серьезно интересовало, как развивались системы образования и здравоохранения, как проводились прививочные кампании и профилактика заболеваний и всё такое прочее. Естественно, её интересовали права женщин в моём времени и прочий феминизм во всех его проявлениях.

Говорили мы много и долго.

И ушел на это целый день.

Часть вторая Высочайший хирург

Глава 1 Кровь. Муки. Схватки

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 20 июля 1919 года

Я смотрел в ночное небо. Маша мирно спала, тихо дыша мне в шею. Поправляю простыню, укрывая её нежную спинку.

Мне не спалось. В голову лезли всякие думы, а думать, как известно, вредно, поскольку от этого разные мысли в мозгу приключаются.

Что ж, есть время спокойно поразмыслить о делах, о жизни и смысле бытия в проекции на мою персону. И об изменениях, со мной связанных.

Чисто философически. Глядишь, и засну под этот глубокомысленный трёп. Не баранов же мне считать, верно? Это как-то пошло, да и недостойна сия слабость чести гвардейского офицера. И в этой жизни гвардейского, и в той. Гордое прославленное Знамя 332-го отдельного гвардейского вертолётного полка не даст мне соврать.

Итак, околонучная философия на сон грядущий.

Как говорится, роль личности в истории. Марксизм-ленинизм утверждал, что всем движут законы социально-экономического развития. Что личность не столь важна. Что есть надстройка и базис. Что производственные силы толкают политиков и армию на завоевания. Что империализм высшая степень развития капитализма.

Отчасти эти рассуждения правдивы. Не смог бы Александр Македонский завоевать половину известного тогда мира, если бы не было экономического базиса, если бы не нашлись желающие идти за ним в тот безнадежный поход. Мысль об экспансии в Азию витала в воздухе Македонии. С другой стороны, без появления такого лидера, как Александр, Македония не смогла бы победить персов и распространить свое влияние на означенную ранее половину мира. И обрушение империи сразу после смерти Александра стало ярчайшим доказательством того, что у его отца, Филиппа, ничего бы не вышло. Не готов был эллинский мир к такому резкому взлету. Хотя он и сумел воспользоваться плодами побед Александра Филипповича, но и удержать достигнутое уже не смог.

Однако жила бы сейчас Европа в наследии римско-эллинского мира, если бы не завоевания Александра? Ведь ударь тот перс мечом сильнее, в том самом историческом сражении македонян с Дарием, то никакой шлем не спас бы баловня судьбы. И тогда жили бы мы сейчас совсем в другом мире. Может, персидском, а может, и в каком-нибудь карфагенском.

Чингисхан, Карл Великий, тот же итальянский корсиканец Наполеон ди Буонапарте. Князь Владимир, крестивший Русь. Иван Третий. Иван Четвертый Грозный, за жестокость прозванный Васильевичем. Петр Первый Великий. Екатерина Вторая Великая. Да и Елизавета Первая с Павлом Первым входят в этот же список великих вершителей истории. Многие и многие другие.

В том числе и Ленин, Сталин, Гитлер, Муссолини...

А в скольких бессчётных случаях итог битвы, а порой и всей войны, решал именно талант полководца? Талантливый и просто выдающегося генерала или адмирала? Нельсон, Ушаков, Кутузов, Суворов и многие другие личности, изменившие ход исторических событий. Что было бы, если во главе Британии в годы Второй мировой был не упрямый Уинстон Черчилль, а, к примеру, все тот же Чемберлен-горе-миротворец? Равно как Франции моего времени остро не хватало фигуры, равной Шарлю де Голлю. Даже уход с поста канцлерин Ангелы Меркель, который когда-нибудь да случится, нанесет по могуществу и весу Германии огромный урон.

А сколько талантливых дипломатов меняли ход истории? Тот же мой граф Свербеев, смерть которого стала для меня огромной потерей. Гирс был хорош, но Свербеев был на две головы выше его. Не зря же я ему пожаловал титул князя с приставкой «Новоримский» к фамилии. Наш Новоримский Союз во многом именно его детище.

Впрочем, главным доказательством роли личности в истории был я сам. Ибо я слишком хорошо знал, что бы случилось тут без моего появления.

Так что, возможно, правы теоретики. В чем-то. Но не во всём, как по мне.

Тот же Муссолини сейчас снимает фильмы, Гитлер где-то там, в Венгрии, тусуется добровольцем, а товарищ Сталин, с коллегами Лениным, Троцким, Махно и Никифоровой, творят мировую революцию в Мексике. Ну, и нет сейчас в той же Италии предпосылок к приходу чернорубашечников к власти. Да и Германия вполне стабильна и даже на подъеме, а в Испании и Португалии в наши дни тишь да сонная благодать, пусть и бедная там благодать. Франция ещё долго будет приходить в себя после тотального ограбления, а сэра Уинстона Черчилля застрелила ирландская суфражистка, Царствие ей Небесное. Не повезло. Должен же был быть кто-то крайним, чтобы пустить Скотланд-Ярд по ложному следу?

И, извините, тот же Моонзунд я не проиграл. И Ромею завоевал. Да и революцию в России не допустил, в конце концов. Возможно ли это всё было бы без меня? Без лишней скромности скажу – вряд ли.

Всё смешалось в мире Облонских.

Такие вот у нас дела.

Я зевнул. Но сон не шёл. Философия не слишком помогала.

Помогало ли мне моё послезнание в здешней жизни? Сложный вопрос. Иногда – да, особенно в начале, но чаще не очень-то. Слишком уж изменилась окружающая меня реальность, да так, что я мог надёжно прогнозировать разве что какие-то независимые от меня природные катаклизмы, типа грядущей великой засухи 1921–1922 годов или Большого крымского землетрясения года 1927-го. Это можно использовать, но и только...

А нужно править.

Это вам не на троне восседать и умное лицо делать, пощипывая фавориток за приятные места.

Есть такое выражение, очень верноподданническое: «Корона дарует мудрость её носящим». Конечно, всё это чушь собачья, данное сверкающее украшение ума носителю вовсе не добавляет. А вот послезнание – это уже совсем другой разговор. Даже если ты не можешь предугадывать практические события, ты всё равно знаешь тенденции на сто лет вперед и можешь предпринимать шаги на упреждение. Или используешь свои знания из будущего, вот как я использовал знания о развитии кондиционеров и какими они должны быть. Или вот те же бульдозеры, к примеру. Или солнцезащитные очки. Танки, самолеты, ракеты, РЛС. Да и много чего. Одни компьютеры, беспилотники и прочие спутники чего стоят! Пусть не всё мы сейчас готовы создавать, тем более массово, но мы, в отличие от прочих, понимаем, что это и для чего. И что-то уже используем в своих нуждах, пока остальные растерянно оглядываются вокруг. Даже асимметричное шифрование, используемое нами, тоже привнесено мной из будущего. Это вам не какая-то паршивая шифровальная машина «Энигма». Развитие техники

на сто лет вперед – очень важное знание и важнейшее конкурентное преимущество в нашем опасном бизнесе, именуемом властью.

Новый затяжной зев. Маша сладко спит, и будить её своими новыми ласками я не хотел. Хватит кошмаров прошлой ночи.

Почему-то вдруг предательски всплыли в памяти горячие сцены и страстные объятия Ольги Кирилловны Мостовской, матери моего старшего сына, приходящегося мне, по совместительству, еще и родным дедом. А сцены, скажу я вам, были весьма откровенными. Весьма и весьма! Не чета, конечно, Маше, но и Оленька была фантазерка ещё та. Очень уж она хотела захомутать великого князя. Впрочем, она его действительно страстно любила.

Да, без сомнения, и прадед любил Ольгу, раз его воспоминания о ней и их встречах так свежи в моей памяти до сих пор. А вот Наталью Брасову он действительно любил не слишком-то. Вспомнить толком и нечего. Серая унылая рутина обязанностей. Да и вообще, у блестящего гвардейского офицера, к тому же у родного брата царя, женщин было множество. Как и скандалов, с ними связанных. Особенно по молодости лет.

Словно почувствовав что-то непотребное в моих воспоминаниях, Маша нервно отвернулась от меня, переложив голову на свою подушку. А может, ей и приснилось что-то опять. Не буду тревожить её сон, она и так намаялась прошлой ночью.

Ах, милая моя горячая итальянка, пусть и ставшая русской. Ревность и страсть – у тебя всё в одном флаконе. Ужасная и прекрасная смесь. Прости меня, моя радость. Я тебе не изменял даже во сне. Память же прадеда стереть себе я не могу, уж прости. Впрочем, и в моём будущем любовниц у вашего покорного слуги было предостаточно. Всех и не упомнишь.

Что ж, я – циник. Маша более романтичная натура.

Натура, глядящая на звезды и мечтающая о них. Натура, готовая отправить на плаху или в пыточный подвал любого, кто встанет на этом её пути.

Осторожно целую её плечо и выбираюсь из постели. Все равно не спится.

Подойдя к перилам, закуривая папиросу. Внизу раскинулось ночное море. Лишь навигационные огни да габариты «Полярной звезды» с кораблями охранения светились в ночи. Остров спал. Спало море. Небо над нами, казалось, тоже замерло. Одиноким полумесяцем. Даже метеоров не видно.

Спали все.

Спала и Маша.

Почти полтора месяца я на Острове. И вновь пора было собираться в дальнюю дорогу, ибо викинга вновь звали в поход дела. Уже собирают великие конунги своих воинов, уже смелят моряки борта драккаров, уже штопают корабельные паруса. Гремят щиты и звенят кольчуги. Кузнецы уже выковали мечи для битвы, но упорно продолжают свою работу, ведь битв будет ещё много.

Обернувшись, долго смотрю на серебристую дорожку плывущей с востока луны.

Тишина.

Мир.

Мир, где нет победителей, но нет и проигравших. И Великая война, которая закончилась на год раньше срока. Но ничего ещё не окончено, лишь идет формирование новых блоков и союзов. Все готовятся к последней решающей схватке.

Схватке за мир во всём мире.

Большая война вновь близится.

Сколько у меня лет в запасе? Двадцать? Десять? А может, всего пять? Успею ли я подготовить Империю к новой мировой войне? Доживу ли вообще до неё? Столько всего ещё нужно сделать!

И какие фронты станут для нас основными в предстоящей битве? Европа? Ближний или Дальний Восток? Центр Азии? Африка? Средиземное море? Атлантика? Север? Индийский

или Тихий океан? И, вообще, основные сражения развернутся на суше или на море? Строить нам в первую очередь армию или флот? С кем мы сцепимся в этот раз и в союзе с кем? Вопросов было намного больше, чем ответов на них.

А большая война уже стучалась в наши двери.

Уже схватились Румыния и Венгрия. Афганистан и Британия. Ирландия и Англия. Россия и Норвегия. Ромея и Карамания. Ожидает горяченького Монголия. Восточный Туркестан. Маньчжурия. Индия. Бирма. Тибет. Китай. Япония. Америка. Охвачены волнениями США, Канада, Австралия, Египет и Индия. В нашем Туркестане тоже сейчас неспокойно.

Лишь моя железная хватка удерживает сейчас Балканы от междоусобной войны. Пылает огнем революции и гражданской войны Мексика. Уругвай становится финансовым центром Южной Америки, напичканный золотом Банка Франции, золотом, украденным и вывезенным Ротшильдами. Бразилия, Аргентина, Чили копят силы.

Вновь пахнет порохом и ружейной смазкой. Башни главного калибра боевых кораблей уже движутся, выискивая цель.

Много-много заинтересованных сторон, делающих вторую серию Великой войны практически неизбежной.

Сильные теневые игроки, старые семьи и «молодые» миллиардеры. Их капиталам всего-то две-три сотни лет...

Мир замер. И я верю, что, Маша чувствует магнетизм момента. Оттого её кошмары и мучают.

Нет, пока вроде всё идет нормально. Насколько это вообще возможно, конечно.

Через месяц всё же запланирован саммит в Белграде, на котором лидеры Новоримского Союза подпишут несколько важных документов. Новую доработанную редакцию Устава НРС, как политического союза, новый договор об углублении интеграции внутри Новоримского экономического сообщества и ряд прочих бумаг по НРЭС и, главное, совместную декларацию о прекращении членства в Антанте, о роспуске Малой Антанты и образовании на её месте нового оборонительного союза – Организации стран Белградского договора. Создание ОСБД, во-первых, исключит возможные непонятки и терки с Германией вокруг каких-нибудь конфликтов с Францией, Бельгией и, как следствие с Британией. Во-вторых, демонстративная денонсация договора об Антанте, в девичестве бывшего франко-русским военным союзом, должна подтолкнуть Изабеллу Орлеанскую к принятию какого-то решения – к умным она или к красивым. Вступление в Новоримский Союз обеспечит Франции безопасность от Германии, а нет – так нет. Ищите других защитников и спонсоров. Америка, конечно, может быть хорошим спонсором, но спасти французскую метрополию от сокрушительного удара рейха американцы не смогут. Да просто не успеют. Британцам же сейчас точно не до отправки во Францию миллионного контингента. А сама гордая Франция против отборных частей Deutsches Kaiserliches Heer не выстоит даже месяца. Насколько я могу судить, опираясь на данные ГРУ, новый вариант плана Шлиффена—Мольтке уже практически утверждён.

Мы же были готовы дать гарантии, но, как известно, кто Изабеллу ужинает, тот её и танцует. Включение Франции в НРС имело определенные последствия, не очень-то приятные для Орлеана. Открытие таможенных границ. Включение в сферу координации стратегических заказов в рамках Союзплана НРЭС, включение французских войск в систему единого союзного командования на море, на суше и в воздухе, размещение военных баз на французской территории, включая колонии, и, главное, экономический доступ членов НРС на территорию французских колоний. Конечно, мы в этом случае берем на себя тоже ряд обязательств. Включая вступить в войну, если кто-то эти самые французские колонии попытается отжать.

Пойдет ли на это королева Изабелла? Посмотрим. Но вряд ли она хочет оставить своему сыну – императору Французской империи – эту самую империю без империи.

С другой стороны, США тоже не благотворительная организация. Мягко говоря. И в случае прямой войны Франции с Германией могут и «не успеть» в Европу, но зато «возьмут под охрану» вкусные французские колонии. Так что...

Определенный риск был и для нас. Франция экономически всё ещё сильнее России, и мы можем, в теории, попасть в неприятную ситуацию возврата к временам доминирования французского капитала, от которого я так старательно избавлялся два года назад. Но, во-первых, времена уже не те. Россия ощутимо окрепла, а, главное, Франция ещё более ощутимо ослабла. Во-вторых, речь идет не о двустороннем экономическом соглашении, при котором Франция нас, чисто финансово, сожрала бы даже сейчас, а о вступлении в Новоримский Союз, где уже сложились отношения, в том числе и хозяйственные, при том, что суммарный объем экономик НРС сейчас превосходит французский. Я пошёл даже на соглашение с кайзером о дружбе и прочем сотрудничестве, понимая, что экономически мы выстоим, хотя Германия сейчас намного круче Франции. В-третьих, присоединение Орлеана к НРЭС практически сразу почти удваивало наш ВВП и наши экономические возможности, ставя нас в один ряд со США, Германией и Великобританией. Опять же, французские колонии по всему миру давали нам возможность, в рамках Союза, гибче реагировать на все вызовы. Ведь впереди ещё и Великая депрессия, которую тоже никто не отменял, хотя её формы и сроки уже не так ясны для меня.

В общем, определенный интерес у нас был, в том числе и к французскому флоту, который, став составной частью Объединенного флота НРС, вполне мог нам подсобить в наших задачах. К тому же членство Франции в НРС делало сговорчивее и Германию, принуждая её обратить основную экспансию во вне Европы. Но пока элиты Орлеана колебались, а с ними колебалась и королева Изабелла. Что ж, посмотрим.

Что ещё-то?

В Румынии Кароль II готовит земельную и прочие реформы по нашему образцу. Как, по мне, он торопится, ещё недостаточно укрепив свои позиции, но мой двоюродный зять (или кем он там мне приходится?) спешил воспользоваться ростом своей популярности и успехом на фронтах и применить ту же мою тактику создания революционной ситуации после объявления реформ, при которой элиты будут четко понимать, что случись что-нибудь с монархом, и народ их всех просто сметёт революционной волной. В результате элиты потеряют не часть, а буквально всё. Возможно, даже вместе со своими глупыми головами. Что ж, у меня в России получилось, хотя не без проблем. Были и заговоры, были и попытки меня грохнуть. Ну, это дело такое, работа на должности монарха вообще весьма нервная и вредная для здоровья. Молоко нам надо за вредность бесплатно давать, как сказал булгаковский и. о. царя Иван Васильевич. Так что, даст бог, прорвемся.

В Венгрии бои идут с переменным успехом, но уже виден перелом в войне за Трансильванию. После взятия Сибиу у мадьяр сильно ухудшилась логистика и возникла угроза окружения Трансильванской группировки. Более того, падение Тимишоары обеспечивало выход румынских войск на оперативный простор с угрозой прямого наступления на Будапешт. В силу этого венгры были вынуждены оставить Брашов и начать переброску войск из Трансильвании. Видя такое дело, тут же начали бузить хорваты и словенцы, оттягивая на себя часть венгерских сил.

Нет, Германия, конечно, помогала венграм, но одновременно и неофициально напоминала, что открытого вмешательства в войну не будет. Как не будет и официального вмешательства в конфликт войск Новоримского Союза, дабы избежать большой войны в Европе. В общем, оружия и денег дадим сколько надо, добровольцами поможем, но воюйте сами. А учитывая, что в рядах румынской армии воевали «добровольцы» из Единства, Сербии, Италии и Болгарии, то положение охваченной беспорядками, очагами гражданской войны и сепаратизмом Венгрии было незавидным.

Что ж, Вильгельм II пока выполнял свои обязательства, которые он взял на себя в Цюрихе. Как, впрочем, и я. На кону стояло слишком много, чтобы ссориться из-за Венгрии.

В Афганистане наши ЧВК вместе с местными союзниками довольно успешно воюют против британцев, постепенно продвигаясь в Белуджистан. Дикая война, туземные племена. Конечно, основным костяком обеих противоборствующих армий были русские «наёмники» и британские солдаты, но и наши и британцы скорее выступали всё больше советниками и координаторами действий афганских и индийских войск. Только со стороны Афганистана было выставлено около двухсот тысяч человек. Впрочем, и индусов было не сильно меньше. Другое дело, что к войне в горах они, в отличие от тех же пуштунов, были приспособлены значительно меньше, а собственно британских войск было крайне мало, англичанам приходилось растягивать свои силы на поддержание хотя бы подобия порядка в Британской Индии, которая гудела словно растревоженный улей. И далеко не все индусы были согласны с концепцией мирного сопротивления.

А перебросить войска англичанам было неоткуда. Войска Метрополии были заняты в Ирландии, которую Лондон терять не желал, хотя давно уже не контролировал большую часть Зеленого острова. Да и в самой Великобритании было достаточно беспокожно – забастовки сменялись протестами, митинги нередко выливались в погромы, ну и прочие прелести, ведь ситуация в экономике Британии была достаточно плачевной. Великая война подорвала силы Туманного Альбиона, но не принесла никаких практических дивидендов и экономических выгод. Росла безработица. Росли цены. Жизнь катастрофически дорожала. Радикализация настроений происходила прямо на глазах, а новое правительство Ллойд Джорджа мало что могло сделать в такой ситуации.

Ирландию отпускать не хотели, а ирландцев в Британии просто били, вспоминая бомбардировки городов Туманного Альбиона, ведь взлетали германские аэропланы именно с аэродромов острова Святого Патрика. Так что огромное число ирландцев в самой Британии всё больше и больше собирали чемоданы и отправлялись в Америку.

Вашингтон, кстати, весьма давил на Лондон по поводу «прав наций на самоопределение» и, главное, по поводу свободного доступа американских товаров и капиталов в колонии Соединенного Королевства. Африка и Индия очень интересовала деляг Уолл-стрита.

В Канаде и в Австралии тоже было тревожно, и правительство не очень стремилось отправлять свои силы в далекие края за британские интересы, ведь солдаты в любой момент могли понадобиться дома. Собственно, они и требовались всё чаще и чаще.

Египет бурлил куда сильнее Индии. Да так, что перестрелки и целые бои на улицах городов случались регулярно, а атаки на британские патрули на проселочных дорогах заставили англичан резко увеличить численность каждого патруля. Фактически британцы передвигались по Египту лишь в составе военных конвоев, и надежно контролировали лишь зону Канала и Александрию.

В общем, была у меня неслабая надежда на то, что доблестным афганским воинам удастся опрокинуть британцев и добиться не только независимости самого Афганистана в очерченных британцами границах, но и вернуть в состав королевства и весь Белуджистан. А почему бы и нет, собственно? Британских сил мало, всего шестьдесят тысяч англичан на всю Индию. Снабжение плохое, а конницы мало, в то время как от нас потоки грузов, техники и вооружений шли афганцам постоянными караванами, да и людей, помимо ЧВК, отправлялось немало. В том числе и «контрактников», набранных из народов Туркестана и Османии с Караманией. Да и среди мусульман Ромеи находилось порядочно горячих голов, желающих отправиться на войну за дело Пророка. Не бесплатно, разумеется. Очень не бесплатно. Но мы не скупились. Чем больше горячих голов от нас уедет, тем меньше их у нас останется. Да и почему бы им не сложить свои головы за столь полезное для нас дело?

Отдельный Корпус жандармов, кстати, докладывал о возникновении среди мусульман некоего движения или даже секты, ставящей перед собой цель возродить «истинную державу осман» как раз на землях Белуджистана. Фантастическая по идиотизму идея, но я велел не

препятствовать и обеспечить отправку всех адептов в этот самый Белуджистан. Пусть потом местные сами с ними разбираются.

Короче говоря, британцы отступали, цепляясь за крепости и горные перевалы, но война явно шла не в их пользу. Даст бог, уже в этом году мои солдаты омоют свои сапоги в волнах Индийского океана. Конечно, Лондону появление нас прямо в виду Индии совсем не понравится, но пока что они мало что смогут сделать. Я же очень хотел получить оперативные базы для действий и базирования эскадр Южного флота Единства на теплых берегах. Уже заключен договор с Римом об аренде куска Итальянского Сомали для строительства нашей военно-морской базы. Такую же базу я хочу построить и в Белуджистане, протянув туда железку из нашего Туркестана. И особые виды я имею на Сиам и его морское побережье Андаманского и Южно-Китайского морей. И на военно-воздушные базы в этих странах. Очень уж мне не нравилось, что Тихоокеанский флот ограничен в своих действиях, как климатом, так и самой Японией. А если вдруг что, то...

Нет, сценарий катастрофы русско-японской войны мне совершенно не хотелось повторять. Да и вообще, сама возможность для нас блокировать судоходство не только через Суэцкий канал, но и через Сингапурский и Зондский проливы дорогого стоила. Но для этого всего нужен был флот. И немалый. И тут надо иметь в виду флоты Великобритании и США, поскольку наше усиление в регионе не понравится никому из них.

А океанский флот – это авианосцы и корабли сопровождения. И много-много дальних подводных лодок. А это деньги. Просто огромные. Чудовищные. С другой стороны, я был уверен, что после выхода в Средиземное море и после создания Ромеи нас в покое не оставят. Ближний Восток слишком лакомый кусок, чтобы нам его просто так отдали, да и конфигурация Новоримского Союза делала его едва ли не доминирующей силой на Средиземноморье. Особенно с учетом ослабления Франции. Опять же, наше повышенное внимание к Сибири и Дальнему Востоку тоже не останется без внимания сильных мира сего.

Что ж, за экспансию нужно платить. Но и не осуществлять экспансию я не мог. Империя – это вопрос желудка, как говаривал Сесил Родс. Точнее и не скажешь. А у меня каждый год прибавляется по пять миллионов голодных желудков.

ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ. КАЖДЫЙ ГОД.

Голодных. Неграмотных. Неустроенных. Наши деревни просто не в состоянии их накормить и обустроить. Просто не хватит земли на всех. А впереди два года засухи. Если не держава, то знаменитый голод в Поволжье (и не только) не минует и нас в этой реальности. Такие вот у нас дела.

Затягиваюсь и выпускаю клуб дыма.

Усмехаюсь.

Да, господин Самуил Габай, воспользовавшись моим Высочайшим благоволением и получив доступ к обширным табачным ресурсам бывшей Турции и Балкан, сумел создать целую торгово-производственную империю, а его папиросы «Герцеговина Флор» стали в результате просто исключительно хороши. Хотя я курил мало и старался всё же избавиться этой пагубной привычки, но пачка папирос и спички всегда лежали на террасе.

Конечно, «Табачный дом Самуила Габая, поставщика двора ЕГО ВСЕСВЯТЕЙШЕСТВА И ВЕЛИЧИЯ», требовал немалых инвестиций, но я считал дело достаточно перспективным и денежным. Ведь доходов от казенной монополии на спирт на все хотелки моей августейшей жены категорически не хватало – учебные заведения, больницы, приюты и прочие подопечные ведомств императрицы Марии съедали просто прорву средств, и Маша каждый раз требовала увеличения ассигнований.

Даже вчера, во время конной прогулки.

В конце концов, не на новые же шмотки себе она их тратит и не на брюлики. На такие мелочи у неё и карманных денег предостаточно. Нет, ей нужны десятки и сотни миллионов золотых рублей. Не больше, но и не меньше.

Что ж, слесарю – слесарево, а кесарю – кесарево.

Даже если это кесарисса.

**ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ.
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. АЛТАЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ.
НОВНИКОЛАЕВСКИЙ УЕЗД. СЕЛО БЕРДСКОЕ. 25 июля 1919 года**

Что ж, позади приветственные речи, позади молебн и прочие формальности. Позади аудиенция верноподданнической делегации лучших людей не только Новониколаевска, но и всей губернии.

Позади у меня был Ташкент, где я имел продолжительную встречу и долгий разговор с дядюшкой Николаем Константиновичем, моим Туркестанским наместником. Разговор вышел обстоятельный. Речь шла о расширении работ по орошению, которые раньше дядя проводил за свой счет. Разумеется, это было, как говорят американцы, «при прошлой администрации», сейчас же я старался дать всё, что только возможно. Нам предстояло строительство большой железной дороги через Туркестан и Афганистан до самого берега Индийского океана, где предполагалось строительство не только военно-морской базы, но и большого торгового порта. Грузы из Европы могли попадать в этот регион не только через Ромею, но и через Афганистан. Нужно ли говорить, что еще не завоёванный афганцами порт Ормара уже был согласован к передаче Единству в аренду на 99 лет? Король Аманулла Первый не слишком противился, логично полагая, что имея там свой порт и базу, мы куда охотнее будем прикрывать его королевство с юга и со стороны Индии. К тому же это не слишком уж большая цена за независимость и значительное приращение территории, как мне кажется.

Что касается самой дороги и порта, то кайзер Вильгельм проявил к этой идее нешуточный интерес, готов был вкладывать чрезвычайно серьезные инвестиции и намекал на концессию. Что ж, его понять можно, раз уж идея строительства железной дороги Берлин—Багдад, с перспективой выхода в Персидский залив, накрылась медным тазом, то сама возможность получить доступ к такому транспортному коридору не могла не захватывать дух в Германии. Опять же вождь Индия совсем рядом. Как тут удержаться от инвестиций?

Так что, возможно, в этой истории Афганистан не будет влачить настолько жалкое существование, как в моём времени. Впрочем, при советской «интервенции» там строились школы и больницы, женщины ходили в европейской одежде и не испытывали никаких притеснений. Увы, потом пришли талибы в тапках, и всё пропало, спасибо американцам, создавшим эту контору, давшим им денег, оружия и все, что полагается в таких случаях.

Не знаю, возможно, я плохой колонизатор, но тоже всячески даю возможность народам и элитам вписаться в единую имперскую общность. По всей Ромее, да и в Османии с Караманией, строятся школы, больницы, приюты. Имея проблемы с продовольствием в Ромее, мы отправляем целые караваны в ту же Османию, а мой римский тесть подкармливает турок Карамании. Конечно, мы заботимся о том, чтобы голод не заставил местных отправиться за едой к нам, но не проще было бы местных просто перестрелять? Американцы, как и те же британцы, с местными так и поступали, освобождая жизненное пространство для своих колонистов.

Хотя нет, я не советское руководство Политбюро ЦК КПСС. Я прагматик, лишенный идеологических тараканов. Вспоминаю тезис из истории:

«Однажды президент США Рузвельт заметил кровавому и беспринципному диктатору Сомосе, что жизнь в Никарагуа недемократична, на что тот ответил:

– Демократия в моей стране – это дитя, а разве можно давать младенцу всё, что он попросит? Я даю свободу – но в умеренных дозах. Попробуйте дать младенцу горячего пирога с мясом и перцем – и вы его убьёте.

Тогда-то Рузвельт и произнёс свою знаменитую фразу:

– Сомоса, может быть, и сукин сын, но он наш сукин сын».

Да, интересы Единства и НРС для меня выше всяких идеологических догматов. И точно не позволю догматам мешать моим целям. В этом плане я вполне солидарен с китайскими коммунистами, которые использовали капитализм и рынок с целью расширения своего влияния и своего могущества. Идеология им в этом деле ничуть не помешала, как она не помешала тем же большевикам брать деньги на революцию от любых дураков. Как там говорил Ленин? «Капиталисты продадут нам веревку, на которой мы их и повесим?» Советскому руководству этой гибкости в своё время и не хватило. Нобелевскую премию мира им за это. Выродились товарищи.

Нет, я не марксист, равно как и не «любитель французской булки». Равно как и не либерал. Я циник и прагматик. Мне безразлична идеология и какие-то там постулаты любого «единственно верного учения». Хоть с туалетными ёршиками там ходите. Моя цель – величие России. И мне плевать на то, что во время движения экспресса по магистрали прогресса на рельсы кто-то выйдет, пытаясь тем самым остановить поезд. Это выбор этого самого «кое-кого». Экспресс не остановится. Не стой под стрелой, как говорится.

А ещё я – русский офицер. Офицер, страшно сказать, в каком поколении. И честь в служении на благо Отчизны, не так ли?

Кладу первый камень нового города. Звучат здравицы и приветственные крики. Ответственность заходит верноподданническим восторгом.

Зазвучал Гимн:

Священный Союз России-Ромеи,
Величие и слава на все времена!
Единство народов, единство империй,
Один император – едина страна!

Поднимаюсь на деревянную трибуну. Улыбаюсь и склоняю голову, приветствуя собравшихся.

– Дамы и господа! Сегодня у нас знаменательный, не побоюсь этого слова – великий день! Сегодня мы закладываем первый камень новой столицы Сибири. Здесь будет новый город, который я нарекаю Новым Царьградом!

Я говорил, говорил, в меру пафосно, в меру цветасто, а сам оглядывал местность, отлично видимую мне с моей высокой трибуны. Высокий берег, место слияния Оби и Берди. До Новониколаевска, именовавшегося в моё время Новосибирском, порядка тридцати километров по прямой. По железной дороге, конечно, до моста через Обь на несколько километров дальше, но не критично, в любом случае до Транссиба рукой подать. Конечно, судоходство по рекам здесь, мягко говоря, сезонное, но железка не даст городу остаться без подвоза всего необходимого. В любом случае, я не предполагал создавать на месте села Бердское мегаполис в несколько миллионов человек. Для этой задачи вполне подходит сам Новониколаевск, мне же нужна была новая административная столица и научный центр, а вовсе не место скопления заводов, фабрик, пароходов и прочих шныряющих деляг.

Разумеется, я пока никому лишнему не говорил, что основал сегодня новую столицу Единства. Столица России пока останется в Москве, столица Ромеи в Константинополе, но главную столицу ВСЕГО я хотел перенести подальше на восток, логично полагая, что за столицей потянутся и деньги, и переселенцы, и промышленность. Весь огромный регион за Уралом

нам нужно было срочно развивать, ибо мы не слишком-то далеко продвинулись в этом вопросе со времен русско-японской войны, а мало ли что, и что тогда?

Новый Царьград достаточно близок к Дальнему Востоку, но одновременно достаточно удален, и еще долго будет достаточно удален от дальних бомбардировщиков любого противника, хоть на западе, хоть на юге, хоть на востоке. Даже до границы с Китаем почти семьсот километров, но Монголии и Восточному Туркестану мы сватали независимость и союз, что дало бы нам возможность отодвинуть внешнюю границу Союза ещё на тысячу километров от новой столицы.

Обь-Енисейский канал планировалось серьезно расширить и углубить, дабы дать возможность частично разгрузить на этом участке Транссиб, и не занимать его перевалкой местных грузов. А увеличение судоходства по Оби и Енисею даст толчок к развитию всего региона...

Я продолжал свою речь, когда заметил, что мой адъютант полковник Качалов делает мне знак, что получено важное сообщение. Закругляюсь. Через минуту, спустившись с трибуны, уже разрываю бланк телеграммы.

Твою же мать!!!

Тихо говорю адъютанту:

– Вот что, голубчик. Пока я тут с отцами города опрокину рюмочку за это дело, срочно передай полковнику Кононову, чтобы готовил «Империю» к срочному вылету. Мы возвращаемся в Константинополь.

***ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА.
ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 25 июля 1919 года***

Бледная, как смерть, Маша почти вбежала в библиотеку.

– Ты здесь. Еле тебя нашла.

Ольга Николаевна отложила книгу и удивленно спросила:

– Ты меня искала? Что стряслось?

Императрица открыла было рот, но смогла лишь произнести:

– Вот.

Ольга поднялась из кресла и прочитала бланк телеграммы. Несколько секунд она стояла недвижимо, глядя в бумагу остекленевшими глазами, а потом, выронив её, громко, по-бабьи, завывала, прижав руки к своему лицу. Маша поспешно обняла рыдающую девушку, не зная, что делать и что говорить. А что тут скажешь? Что?

Оля рыдала, повторяя сквозь душащие ее горло слёзы лишь одно слово:

– Кароль... Кароль... Кароль...

Внезапно её плач прекратился, и она охнула, схватившись за живот. Маша быстро спросила:

– Что, Оленька? Что? Не молчи!

Лицо той лишь исказилось от новой муки. Императрица усадила её на диван и выбежала из библиотеки с криком:

– Улезко-Строганову в библиотеку! Срочно! У нас, похоже, роды!

**ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ.
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ. БОРТ
№ 1, ДИРИЖАБЛЬ «ИМПЕРИЯ». 25 июля 1919 года**

Автомобиль Кароля расстреляли прямо посреди Бухареста. Ещё предстоит разобраться, как так получилось, что его кортеж ждали, хотя, по правилам безопасности, они должны были держать актуальный маршрут в тайне и постоянно его менять. Вызывает вопрос и наличие всего одного автомобиля с охраной, хотя должно быть минимум четыре. Четыре одинаковых, а не два разных.

В общем, вопросов было множество. Понятно было одно – Кароля профессионально подставили. Чистая подстава. И это не румынский почерк, хотя без румын там никак не обошлось. Кто? Немцы? Британцы? Больше похоже на последних, но не факт.

А факт в том, что убийство короля Кароля II кардинальным образом меняло все расклады. Кардинально. Мы теряли контроль над Румынией. Ольга теперь никто. Так, чисто формальная вдовствующая королева. Почти наверняка в эмиграции, то есть в Ромее или где там она пожелает жить. Не суть. Наследника нет. Вернее, наследник есть, но это брат Кароля – Николай. А Николая довольно серьезно держали за жабры всякого рода бояре и прочая высшая аристократия, которым мы вовсе не друзья. Нет, как рынок, мы, может, и хороши, но наши идеи освобождения, а главное, наша успешная земельная реформа им были поперек горла. Они скорее под немцев лягут. А это чревато не только потерей Румынии и войной с Германией. Да и вообще...

Ах, Кароль-Кароль. Говорил же я ему, что он торопится, но... Что тут сказать, я сделал то же самое, только быстрее. Впрочем, я перед этим не потерял полгода, не решаясь на хоть какие-то реформы. Вопрос земли был в Румынии не менее, а может, и более острым, чем у нас. Страна во многом гористая, а основные латифундии принадлежат отнюдь не крестьянам. Они потому и пошли воевать, что рассчитывали на то, что ветеранам дадут участки земли в присоединенной Трансильвании.

Ладно, что уж тут после драки кулаками махать и посыпать голову пеплом.

Но ситуация действительно была препаршивейшая.

Киваю адъютанту:

– Подготовьте приказ о приведении войск Одесского военного округа в полную боевую готовность. Войска на наших базах в Румынии поднять по боевой тревоге. Графу Слащеву сигнал «Орион-2». Генералу Дитерихсу...

Ко мне быстро подошел радист-шифровальщик и протянул бланк.

Хм...

– Генералу Дитерихсу выйти на контакт с генштабом Румынии. Пусть предупредит их, что, если потребуется, мы окажем братскому румынскому народу помощь в восстановлении законности и порядка. В общем, пусть не дергаются.

Качалов козырнул и исчез.

Что ж, сюжет закручивается и закручивается лихо. Известие о начале родовых схваток у Ольги вносило в головоломку новый непрогнозируемый элемент. Я оказался на распутье. Крепком таком распутье. Что мне делать?

Если бы не известие от Маши, то я бы всячески давил на Румынию, приводя местные элиты в чувство, одновременно пытаясь выстроить отношения с новым королем Николаем. Это было бы непросто, но это очевидный план действий. Теперь же...

Появилась в уравнении куча неизвестных. Когда Оля родит? Это может быть долгим процессом, а счет идет если не на минуты, то на часы точно. Кого родит Ольга? Мальчика

или девочку? От ответа на этот вопрос зависит почти всё. Если Николая провозгласят новым монархом Румынии, то мне трудно будет что-то менять без гражданской войны.

Мальчика или девочку? Аппаратов УЗИ у нас нет, и до момента родов я не узнаю ответ. Да и, вообще, рожать на месяц раньше срока – это не совсем здорово. Даже в моём времени, а уж тут, с местным уровнем медицины...

И я безнадежно испорчу отношения с Николаем, давя на него. Но я и не знаю, насчет чего давить? Мальчик или девочка? Выживет ли? Нет ли гемофилии? Вроде не должно быть, но мало ли. Ладно, это второй вопрос, решим по мере поступления. Мальчик или девочка? Когда Оля родит?

Если бы я был в Бухаресте, то смог бы, наверное, как-то удержать ситуацию под контролем, но они там наверняка торопятся.

Лететь двое суток.

Не удивлюсь, что дату расстрела Кароля подгадали как раз к моменту, когда я окажусь так далеко от места событий. Может, и так.

Но что делать-то?

Сажусь в кресло и некоторое время сижу недвижимо, закрыв глаза. Что ж, выхода нет.

Придется идти ва-банк.

Глава 2

«Только массовые расстрелы спасут Родину»

«Дорогой Николай!

Глубоко потрясен той трагедией, которая произошла с твоим царственным братом. Прими мои самые искренние соболезнования. Позволь от твоего имени передать соболезнования от всех верных подданных румынской короны теперь уже вдовствующей королеве Ольге.

Заверяю тебя во всесторонней поддержке Румынии со стороны Единства и всего Новоримского Союза, равно как мы окажем полную и однозначную поддержку вдовствующей королеве Ольге и новорожденному королю Румынии Михая Первому.

Официальное заявление Королевского двора будет сделано позже. Через два дня я буду в Бухаресте и привезу с собой Ольгу и Михая. Как ты понимаешь, Ольге необходимо прийти в себя после родов.

Готовь подданных к принесению присяги верности Михая I.

P. S. Отдельно поздравляю тебя с рождением племянника.

Прими и проч.

Михаил

Борт дирижабля «Империя»

25.07.1919 г.».

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ. БОРТ № 1, ДИРИЖАБЛЬ «ИМПЕРИЯ». 25 июля 1919 года

Я глядел в панорамный иллюминатор. Внизу медленно проплывали пейзажи.

Медленно. Слишком медленно. Невыносимо медленно.

Как мне не хватает быстрых лайнеров моего времени. Двое суток тащиться по небу, в то время как обычный пассажирский самолет преодолевает это расстояние за шесть часов.

Впрочем, всё это пустое.

Как отреагирует Николай на мою «липу»? Поди знай. Это может ускорить процесс провозглашения его новым королем, а может он проявит определенную осторожность, выждав пару дней. Пока там особой активности моя разведка не отмечает, но люди Слащева наготове, да и прочие силы готовы выступить. Наверняка Николаю уже доложили, что наши войска в Одесском военном округе приведены в полную боевую готовность. А может, генералы ему и не доложили, дабы не испугать его.

Эх, знать бы, когда Оля и вправду родит. И кого именно родит. Если родится девочка, то, что ж, скажу Николаю, что что-то там напутали и меня неправильно информировали, а я на расстоянии в четыре с лишком километров проверить сам это не мог никак. Ну, типа, извиняюсь, пью за твое здоровье и всё такое прочее. А если мальчик, то, вероятно, всё у нас хорошо.

Если выживет младенец, конечно. Роды в восемь месяцев – это нехорошо.

**ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА.
ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 25 июля 1919 года**

Роды шли тяжело. Маша, как и все доктора, одетая в медицинский комбинезон и маску, вот уже несколько часов держала за руку Ольгу, приговаривая успокоительные слова и промакивая лоб и лицо роженицы от пота.

– Тужься, Оленька, тужься. Ничего страшного. Я сама через это прошла. Дважды. Так что успокойся, не нервничай. Дыши. Тужься.

Лицо Ольги перекошилось, и она мучительно закричала.

– Держись, девочка, держись. Давай еще постарайся. Головка уже видна. Тужься.

Это уже Улезко-Строганова проводит необходимые манипуляции, стараясь ускорить роды.

Маша бережно промакивает лоб и заботливо смотрит в глаза Оленьке. Невзирая на то, что та была на целых шесть лет её старше, она всё равно чувствовала себя словно мать над ребенком. Возможно, потому что она являлась тут хозяйкой, а Ольга была гостьей, а может, действительно потому, что она в самом деле мать и уже имеет двух прелестных деток, а для Оли это первые роды, да ещё в такой ужасной ситуации, в которой её подопечная оказалась.

– Тужься-я-я...

– А-а-а-а!!..

Улезко-Строганова мастерски выхватила младенца и звонко шлепнула его по попе. Палата огласилась детским криком.

Лейб-акушерка показала ребенка ошалевшей от страданий, но счастливой новоиспеченной матери.

– Ваше величество, поздравляю вас. У вас – мальчик.

У Оленьки покатались слезы от счастья.

– Мальчик... Слава Тебе, Господи! Мальчик...

Улезко-Строганова обратилась к императрице:

– Государыня, не соизволите ли перерезать пуповину?

Маша кивнула и взяла в руки длинные ножницы. Сделав дело, она отдала инструмент кому-то из ассистентов, а лейб-акушерка немедленно приложила дитя к груди матери.

Ольга счастливо и бережно обнимала малыша. Затем она обратила свой взор на царицу и сказала:

– Мария Викторовна, могу ли я вас официально просить стать крестной матерью моего сына?

Маша слегка озадаченно посмотрела на неё. Вообще, по плану, крестным должен был стать Миша, а муж и жена не могут быть крестными одного и того же ребенка. Но, с другой стороны, как говорят в математике, от перемены мест слагаемых сумма не изменится.

– Хорошо, Оленька, я согласна.

Та благодарно улыбнулась и кивнула:

– Спасибо, Маша.

– Как ты его назовешь?

Ольга вздохнула, погрузнев, и, опустив взгляд на сына, ответила:

– Михай. Так хотел его назвать мой Кароль.

* * *

Маша обеспокоенно смотрела на лейб-акушерку.

– Клавдия Петровна, умоляю, ответьте, по вашим прогнозам, ребенок выживет?

Улезко-Строганова сделала неопределенный жест.

– Не стану лгать вам, государыня, но положение серьезное. Младенец не доношен и весьма слаб. Прогнозы у меня неутешительные, откровенно говоря. Но мы сделаем всё возможное и даже невозможное.

– Спасибо, Клавдия Петровна. Если от меня что-то требуется...

Та лишь вздохнула.

– Ах, государыня, чем тут поможешь. Ближайшие часы будут критическими. Повторяю, мы сделаем всё возможное и невозможное. И... – Улезко-Строганова запнулась, но затем, оглянувшись и убедившись, что рядом никого нет, закончила: – Государыня, людская молва говорит, что ваши молитвы чудодейственны. Если это так, помолитесь Богородице за здоровье младенца. Нам её помощь будет сейчас весьма и весьма кстати.

Она развернулась и решительно зашагала прочь от ошеломленной Маши.

***ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ. ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ. БОРТ
№ 1, ДИРИЖАБЛЬ «ИМПЕРИЯ». 25 июля 1919 года***

Получив известие от Маши, я с чувством перекрестился на образа в углу кабинета. Что ж, пусть ребенок слаб, но пока жив, и, главное, что это мальчик. Значит, мой блеф наполняется содержанием и всё больше походит на товар, который реально продать, прости, Господи, меня за такие сравнения.

А если серьезно, то, хотя ещё ничего не решено, наши шансы сделать королем Михая серьезно растут, если верить докладам из Бухареста. Известие о рождении наследника еще до смерти его царственного отца смутило многие умы в столице Румынии, и они выбрали тактику осторожного ожидания. Ах, малыш-малыш, только выживи!

Я вновь перекрестился.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй младенца Михая, ниспошли ему здравие и благословение Твоё...

По канонам церкви, нельзя молиться за некрещеного, но какое это имело значение сейчас? Бог, если он есть, милостив...

***ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА.
ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ
РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. 26 июля 1919 года***

Маша молилась. Молилась горячо, как молилась в своё время за исцеление Миши в те страшные дни, когда её любимый умирал в Москве, кашляя кровью и задыхаясь от «американки». Как молилась за исцеление Миши, сестры Джанны и сына её мужа мальчика Мишки, когда они все трое умирали в Риме от всё той же «американки».

– Пресвятая Богородица, если правда, что мои молитвы могут помочь, помоги, на коленях умоляю тебя! Не из гордыни прошу, не за себя прошу, за чадо сие. Умоляю, помолись Сыну

своему, пусть смиростивится и ниспошлет исцеление младенцу! Я обещала стать его крестной матерью, не отнимай у меня ребенка, Христом Богом умоляю тебя, Пресвятая Богородица...

***ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА.
ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. 26 июля 1919 года***

Маша взволнованно посмотрела на выходящую из дверей Улезко-Строганову и поспешила ей навстречу.

– Ну что, Клавдия Петровна?

Та устало опустила маску на подбородок.

– Мальчик слаб, но жить будет.

Императрица облегченно выдохнула и перекрестилась. Затем сказала благодарно:

– Спасибо вам, Клавдия Петровна. Спасибо за всё.

Улезко-Строганова посмотрела в её опухшие глаза, скользнула взглядом по потрескавшимся губам царицы и кивнула.

– И вам спасибо, государыня. За всё.

***РУМЫНИЯ. БУХАРЕСТ. КОРОЛЕВСКИЙ
ДВОРЕЦ КОТРОЧЕНЬ. 28 июля 1919 года***

– Насколько я понимаю, Михай родился на несколько часов позже, чем погиб Кароль. Цепочка наследования прервалась. Так что...

Качаю головой.

– Официально Михай родился за час до убийства Кароля.

Николай усмехнулся.

– Ну, официально – это дело такое. Написать можно всё, что угодно. На момент гибели брата не было никаких сведений о рождении наследника.

– Это не аргумент. Новости поступают с естественной задержкой. Даже такие важные. Там же, в родильной палате, не стояли репортеры мировых новостных агентств.

Брат покойного короля фыркнул.

– Но и свидетелей-то нет, верно? Я имею в виду, независимых свидетелей. Роды были на острове Христа, и там, кроме ваших людей, никого не было. Поэтому заявленное время рождения Михая можно воспринимать весьма и весьма условно. А посему...

Хмурюсь.

– Что «посему»?

Тот как-то нервно рассмеялся:

– Как говорят в таких случаях, Сократ мне друг, но истина дороже. Румыния и, в первую очередь, элиты не примут Михая. Тем более не примут Ольгу. Кароль вел весьма опрометчивую политику, раздражавшую элиты и даже ставившую её интересы под угрозу. За что и пострадал. Но он был король. Настоящий. Ольга же...

Он сделал некий жест, символизирующий эфемерность.

– Посему...

Мне это уже порядком надоело, и я пошел в жесткое наступление. Пора было расставить все точки над «i».

– Николай, я хочу, чтобы ты посмотрел на вещи трезво. Пример Венгрии у тебя перед глазами. Надеюсь, что ты понимаешь: успехи вашей армии связаны не только с доблестью ваших солдат, но и с тем, что все соседи Венгрии пришли к консенсусу относительно неё и её буду-

щих границ. У нас, в России, есть выражение: «Вход – рубль, выход – два». Это значит, что войти куда-то очень сложно, а выйти практически невозможно. Это касается и Новоримского Союза. У нас очень большие интересы в Румынии. Ваше королевство это и поставщик продовольствия для Ромеи, и территориальный щит всё той же Ромеи, и земля, через которую проходит магистраль Москва—Константинополь. Жизненно важная для нас магистраль. И я никогда не вмешивался во внутренние дела Румынии, и, надеюсь, что впредь мне не придется этого делать. Но если что-то из происходящего в Румынии поставит под угрозу наши интересы, то знай – Румынию порвут на куски, как рвут сейчас Венгрию. Желаящих округлить свои границы за ваш счет предостаточно, и мне стоит просто кивнуть. Нам-то от вас много не надо, только безопасность магистрали, но вот другим... Я уж не говорю о том, что в этом случае отбитая у венгров Трансильвания станет независимым королевством, а юный король Михай I Трансильванский будет слать тебе в Бухарест большие приветы, выражая всяческое сочувствие и глубокую озабоченность. Я слов на ветер не бросаю, ты меня знаешь.

– Это угроза?

– Обещание. В конце концов, ты патриот своего Отечества или нет? Да и нужен ли тебе этот трон? Насколько я знаю, ты от него всячески всегда отказывался. И да, ты же помнишь, что Единство и весь Новоримский Союз признают королем Михая? Его признает и Германия, вот увидишь. Так что подумай над этими фактами.

Николай мрачно слушал мои доводы. Я давил:

– Послушай, взвесь на весах перспективу судьбы гонимого судьбой и соседями короля-изгнанника, которого неизбежно и очень быстро сбросят с трона свои же, поскольку нужно будет найти виновного во всех бедах, и блестящую судьбу уважаемого члена регентского совета, дяди короля процветающего Соединенного Королевства Румынии и Трансильвании, пользующегося поддержкой и любовью народа, уважаемого во всей Европе?

Собеседник поднял брови.

– А почему Соединенного Королевства Румынии и Трансильвании, а не просто Румынии?

– Потому, друг мой, а я надеюсь, ты не против, чтобы я тебя таковым считал? Так вот, друг мой, я хочу гарантий. Если случится что-то непотребное в Бухаресте, то личная уния с Трансильванией будет мгновенно расторгнута, Трансильвания станет независимым королевством, а наши войска там не дадут вам ничего с этим поделать. Впрочем, Румынию в этом случае больше будет заботить её собственная судьба, не так ли? Ведь вы будете заняты увлекательной войной со всеми соседями по кругу, которые будут от вас отрывать кусок за куском. Вам никто не протянет руку помощи, помни об этом. Впрочем, это уже второй вопрос. В конце концов, ты хочешь создания Великой Румынии или нет? Новоримский Союз, как и было заявлено, обеспечивает своим членам нерушимость границ и защиту от внешней агрессии. Мы помогаем вам в освобождении Трансильвании. И ты помнишь, что НРС признает королем Михая. Делай выводы, и я жду твоего положительного решения, друг мой.

* * *

– Как ты, девочка моя?

– Дядя Миша...

Ольга уткнулась лицом мне в грудь и зарыдала. Бережно обнимаю племянницу. Да, очень нелегко ей сейчас. Даже сказать страшно, как ей сейчас плохо. Только что схоронила мужа, за выживание ребенка всё еще сражаются врачи во главе с Улезко-Строгановой, пришлось на несколько дней оставить сына на Острове и прибыть на державные похороны, она сама вдруг оказалась регентом воюющего государства, при том всё, что она – чужачка, элиты против неё. Николай формально трон не принял ввиду наличия прямого наследника Михая I, но всё может

измениться в любой момент, ведь спорная тема о времени рождения малыша никуда не делась. И если даже под покойным Каролом шатался трон, то про Михая и Ольгу и говорить нечего.

Ольга с болью и надежной смотрела мне в глаза снизу-вверх.

– Дядя Миша, ведь ты меня не оставишь? Мне так страшно...

Мы, конечно, сделаем всё возможное, но Оленька и так многим представляется чужеземной марионеткой, а если мы введем войска, то та же «Пражская весна» моего времени покажется детским лепетом. Впрочем, вечно сидеть на штыках нельзя. Да и Оля не справится. Запущенный гнойник должен вскрывать хирург, имеющий опыт в этом деле, а не дилетант с улицы. Даже если этот дилетант – очень хороший и положительный человек. Вскрывать быстро и решительно, уверенной рукой и острым инструментом. А гнойник не вскрыешь, не пролив крови. Что ж, делать грязную работу придется мне. Чай не впервой. Как говорится, только массовые расстрелы спасут Родину. У графа было два месяца на подготовку и ввод требуемых сил в город.

Качаю головой.

– Оленька, я пробуду в Бухаресте несколько дней, пока всё не успокоится. При тебе, в качестве моей личной представительницы, дальше будет находиться хорошо известная тебе баронесса Мостовская. Виктор Эммануил направляет тебе в качестве своего личного представителя маркиза Берголо. В Бухаресте в твоём распоряжении наши генералы и наши войска.

Она кивнула и, всхлипнув, вновь уткнулась лицом в мою грудь.

– Оленька, запомни, я за тебя тут всех в мелкий укроп покрошу. Верь мне. Мы же одна семья, не так ли?

Всхлип.

– Да. Спасибо, дядя Миша...

* * *

Графу Слащеву. Операция «Артемида».

Неосчастливлённым не уйдет никто. Дядя Миша слов на ветер не бросает.

Никогда.

РУМЫНИЯ. БУХАРЕСТ. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ. 28 июля 1919 года

Посты, охраняющие здание, были обезврежены с ходу. Тенями двигались по коридорам бойцы в румынской форме. Тенями двигались такие же бойцы и в других местах столицы. Местами вспыхивали перестрелки, но очаги сопротивления быстро и умело подавлялись. Расслабленному столичному гарнизону Бухареста трудно было тягаться с вышколенными бойцами ССО графа Слащева. Операция «Артемида» набирала обороты.

ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО РОССИИ И РОМЕИ (ТАРР). 29 июля 1919 года

БУХАРЕСТ. Как сообщают наши корреспонденты, в столице Румынии раскрыт заговор против юного короля Михая I и королевы-регента Ольги Николаевны. После череды коротких боестолкновений мятеж силами верных короне войск был подавлен. Верными королю силами правопорядка заговорщики берутся под стражу, аресты идут по всей стране. Арестованные уже дают показания, изобличающие ряд высокопоставленных лиц, принимавших участие в заговоре. При попытке ареста застрелились

начальник генштаба Румынии генерал Презан и полковник Антонеску, которые и возглавляли заговор.

Королева-регент Ольга Николаевна повелела подготовить и провести публичный трибунал над изменниками и убийцами ее августейшего супруга короля Румынии Кароля II.

Информация обновляется. Мы будем следить за развитием событий в дружественном Единству государстве.

Часть третья Intermezzo

Глава 1 Когда коронация – это лишь пролог

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. СОБОР СВЯТОЙ СОФИИ. 22 февраля 1920 года

Ольга плавно опускается коленями на приготовленные для церемонии бархатные подушки. Приняв из рук Маши сына Михая, она склоняет голову.

Что ж, первым идет у нас митрополит Банатский Иоанн. Венец в руках митрополита. Княжеский венец Баната касается головы мальчика. Звучат слова молитвы и пожелания многолетия.

Наступил час митрополита Николая.

– Божию милостью, сим, помазан ты на царство и взошел на Престол Трансильванский под именем Михай Первый.

Короны возлагались на чело мальчика и вновь возвращались на предназначенные для этого столики с регалиями.

Его божественное всесвятейшество архиепископ Константинополя – Нового Рима и Вселенский патриарх Макарий II с немислимим пафосом и торжественностью передал мне корону. Поднимаю её над головой, показывая всем новое произведение русских ювелиров.

Да, новая корона. И это совсем не шутки.

Макарий провел все положенные по обряду церковные манипуляции и склонил голову, предлагая мне продолжить венчание на царство.

Корона. Корона в моих руках.

Протягиваю её патриарху. Он берется со своей стороны. Вместе мы осторожно опускаем на головку восьмимесячного ребенка огромную по его меркам корону, стараясь при этом не задеть тяжелой штуковиной нежную кожу мальчика.

Следующую за этим торжественную лабуду я привычно сбросил на плечи Вселенского патриарха, это ведь его епархия. А пока важнейший момент – Ольга передает сына его крестной матери, и Маша осторожно принимает августейшее чадо, улыбаясь ему. Рядом с ней стоит и крестный ребенка – Борис Первый Болгарский. Тоже лицо аж распирает от улыбки.

Ещё бы ему не улыбаться, ведь вопрос возврата Болгарии территории Южной Добруджи уже решен, осталось только подписать бумаги. Для Бориса это очень важная политическая победа, которая значительно укрепит его власть внутри страны. В конце концов, официальная София и сам Борис много сделали для того, чтобы Венгрия была вынуждена подписать униженный для себя мир. И пусть технику в войска в основном поставляли мы, но вот основную часть «добровольцев» как раз и составляли болгары и сербы. Так что приращение территориями за счет Венгрии было законной добычей для Великосербии. Болгария же, не имея общей границы с венграми, воевала именно за обещания покойного Кароля вернуть им после победы Южную Добруджу, потерянную болгарами несколько лет назад в ходе прошлой Балканской войны. Так что все были довольны. Для меня же самым весомым был факт того, что через

обряд крещения Михая укреплялись родственные связи между Болгарией и Румынией, ведь эта связка держав была критически важной для нас.

Меж тем я, со всей возможной торжественностью, передаю корону своей милой племяннице Ольге. Да, я не венчаю её этой короной на царство и потому не возлагаю её Оле на голову, я лишь передаю сверкающий венец из рук в руки, но всем совершенно понятно, что до совершеннолетия Михая именно Ольга будет всевластной самодержавной правительницей Соединенного Королевства.

Да, мы выжали из убийства Кароля максимум. Аресты, конфискации, громкие и публичные заседания Королевского трибунала, два десятка эффектных казней, ссылки. (Я по-братски разрешил всем членам НРС ссылать своих заключенных в нашу Сибирь, а особо отличившихся на вечные поселения за Полярный круг. Правда содержание эзков предусматривалось за счет отправляющей стороны, но места в Сибири хватит на всех. Тем более что снег убирать и одуванчики валить тоже кому-то надо.) Так вот, возвращаясь к тому, что я хотел сказать. Несколько месяцев арестов отрезвили одних, утихомирили других и заставили залечь на дно третьих. Не скажу, что наступила тишь да благодать и власть Михая/Ольги в Румынии стала незыблемой, но ситуацию мы в основном контролировали. Правда Ольгу и Михая мне пришлось охранять, как самого себя. Уж очень они были важными для моих раскладов персонами.

Мне нужна была лояльная и прогнозируемая Румыния, а не страна, от которой так и ждешь какой-нибудь подлянки в самый неподходящий момент. А для этого необходимо было грубо сломать румынскую элиту, буквально через колено сломать, заставив самых умных, амбициозных и хитрых встраиваться в новую реальность и новую иерархию королевства, а также сбросив на рельсы Истории самых непонятливых и отмороженных апологетов прошлого.

И мы ломали. Фактически Ольге Николаевне предстояло пройти весь тот путь, который в своё время прошел и я в России, а затем в Ромее. Революция сверху. То, что ясно понимал и покойный Кароль, но на что решился слишком поздно.

Что ж, пользуясь моими советами и моей поддержкой (в том числе и силовой), Ольга не стала повторять ошибки погибшего мужа и потратила восемь месяцев не на пустые мечтания и декларации, а на безусловное укрепление своей власти и своих позиций, на переформирование элит под себя, на подрыв могущества старой аристократии и земельных латифундистов-бояр. И главный удар Оленька нанесла в Трансильвании, с ходу запретив владение одному лицу земельным наделом общим размером более чем в сто гектаров на рыло. Более того, все высвобождающиеся земли разделялись между румынскими солдатами, воевавшими в этой войне, при условии, что они переселятся в Трансильванию, а также между семьями погибших в этой и прошлой, Великой войне. Это был сильный ход и мощнейший удар по ожиданиям и амбициям бояр. Нужно ли говорить, что популярность Ольги в новой Трансильвании была колоссальной?

Да, новая Трансильвания. Новое королевство.

Как я говорил Николаю, я не дал просто включить Трансильванию в состав Румынии. Более того, если в Румынии власть Ольги была ограничена Регентским советом и парламентом, то вот в Трансильвании и Банате, по образцу Ромей, было чистое самодержавие, при котором Оленька до совершеннолетия сына имела полную и безраздельную власть.

Что ж, сегодняшней коронацией мы входили в завершающую фазу всей хитрой комбинации.

Я имел большие виды на нефтяные поля Трансильвании, да и к тому же получил в состав России всю Буковину, включая Южную. Пусть на землях Буковины не такие богатые залежи нефти, но они там реально уже разрабатываются и добываются, а в той же Трансильвании все еще впереди. Но разве бывает много нефти? Мы и половину Ближнего Востока уже подмяли под себя. Пусть пока основные месторождения не разведаны, но когда это нас остонавливало?

Ольга, с моей помощью поднявшись с колен, осторожно поставила на специальный столик корону и прочие королевские регалии, которые я ей передал, и торжественно заговорила:

– Мы, Ольга Банатская, правящая княгиня-регент Баната, от имени его державной светлости князя Михая, мы, Ольга Румынская, вдовствующая королева и правительница-регент Румынского королевства, от имени его величества короля Михая Первого Румынского, мы, Ольга Трансильванская, королева-мать и местоблюстительница престола королевства Трансильвания, от имени его величества короля Михая Первого Трансильванского, перед ликом Господа Бога и в сём Божьем храме, объявляем о подписании личной унии между княжеством Банат, Румынским королевством и королевством Трансильвания, а также об образовании Великодакского соединенного королевства, объединенного вокруг священной особы его королевского величества Михая Первого Великодакского. Объявляем также, что до наступления совершеннолетия возлюбленного сына нашего короля Михая Первого принимаем на себя титул и обязанности королевы-кесариссы Великой Дакии.

И под вспышки десятков фотоаппаратов Ольга поставила подписи под соответствующими бумагами.

Что ж, этот финт ушами мы повторили второй раз. Моя милая племянница, поставив сейчас свои изящные автографы, вознеслась над румынскими ограничениями, получив власть, которая никак не регламентирована законами Румынии. Великая Дакия. Этим можно оправдать всё. Будет объявлена земельная реформа по русскому образцу, будут объявлены досрочные выборы в парламент, и мы посмотрим, кто победит. Шутка!

Граф Суворин тоже не зря курировал Румынию эти восемь месяцев, а мои политтехнологи, набившие руку на блестяще проведенных выборах в Госдуму, заткнут за пояс любого местного деятеля. Так что в победе я был уверен.

Старую аристократию и бояр мы просто опрокинем, а наши войска и наши люди на ключевых постах не дадут им ничего с этим поделывать. Даже если им удастся убить Ольгу, то они тут же получают революцию, которая их просто сметет и развесит по уличным фонарям. И они это уже понимают. Так что финита ля комедия. Тем более что у них перед глазами пример России, где крупные землевладельцы получили хорошую компенсацию за утрату земель и прекрасно вписались в новую экономику. В таких условиях никто не станет таскать каштаны из огня для самых жирных котов, предпочтя более безопасные и вкусные перспективы.

Битва за Румынию окончена.

Ох, сколько же ещё будет таких Румыний...

Сколько?

Где же вы, такие упоительные российские вечера? Где же ты, хруст французской булки? Где балы, интрижки и объятья?

Как жаль, что всех тех романтиков из будущего я не могу выдернуть сюда.

Мне бы понравилось. Им – нет. Уверен в этом.

КОРОЛЕВСТВО АФГАНИСТАН. БЕЛУДЖИСТАН. ОРМАРА. 22 февраля 1920 года

Самолет покатился по летному полю, вырубивая на стоянку. Генерал Улагай поспешил к останавливающейся воздушной машине, а вслед за ним устремилась и полагающаяся случаю свита. Ничего не попишешь – прибыло высокое начальство! Из самого Ташкента!

Из открывшегося люка опустили лестницу, и первым, как это и полагается, ступил на землю командир воздушного корабля, и только лишь за ним показался в проеме люка сам генерал Половцов.

Улагай приложил ладонь к обрезу пробкового шлема.

– Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

Прибывший козырнул в ответ и поздоровался с Улагаем за руку.

– Рад видеть вас в добром здравии, Сергей Георгиевич.

– Добро пожаловать в Ормару, Петр Александрович. Куда прикажете с самого начала? Возможно, в гостиницу с дороги? Всё ж таки два дня в дороге, четырнадцать часов в воздухе.

Половцов усмехнулся.

– Вы-то сюда почти год добирались, да ещё и с боями, так что я уж как-нибудь позже передохну. Отвезите-ка меня, Сергей Георгиевич, к океану. Мечтаю увидеть его.

Улагай понимающе кивнул.

– Что ж, воля ваша, Петр Александрович. Авто ждёт.

Через несколько минут три легковых автомобиля и грузовик с взводом охраны покинули территорию полевого аэродрома.

Отвечая на вопросы встречающего и ведя с Улагаем приличествующий случаю светский треп, генерал Половцов смотрел в окно, на дикие пейзажи. Да, скоро сюда действительно придет цивилизация. Лет через пять-десять, даст бог, построят сюда нормальную железную дорогу из русского Туркестана, построят порт и военно-морскую базу, зашумит здешняя жизнь. А как иначе? Ведь главный порт Единства на побережье Индийского океана! Да, именно так.

А пока...

Впрочем, ему-то грех жаловаться, ведь, несмотря на всю изнурительность его полета и немилосердную болтанку над горами, сам он преодолел две тысячи километров в довольно комфортной обстановке штабного Си-30Ш, лишь поглядывая в иллюминатор на места, где его бойцам приходилось буквально прогрызать камень перевалов и ущелий, выбивая британцев с этой земли. А что ему? Всего-то перелет по маршруту Ташкент—Термез—Кабул—Кандагар—Ормара.

И скоро тут транспортные самолеты будут садиться один за другим, сюда зачествят дирижабли, а в местном порту начнут разгружаться транспорты и пассажирские лайнеры со строителями нового города на борту.

Начало нового города. Начало новой жизни здесь. Каким будет новый город? Станет ли он вторым Сингапуром или Бомбеем? Поди – знай. Но захудалой деревней он больше не будет точно.

Да, Половцов знал о намерении государя обустроить в Ормаре главную базу подводных лодок Южного флота Единства. Что никак не мешает соседству с главным торговым портом Единства в Индийском океане.

Генерал Улагай тем временем, дежурно болтая о всякой ерунде, гадал о причинах визита в Ормару самого главнокомандующего Туркестанским военным округом, в сферу ведения которого с некоторых пор неофициально относился и Афганистан. Огромное и беспокойное хозяйство. Впрочем, «шефство» над сопредельными территориями вовсе не было в данном случае чем-то уникальным. Так тот же Омский военный округ опекал отложившийся от Китая Восточный Туркестан, Иркутский военный округ «шефствовал» над Монголией, а Приамурский военный округ фактически взял под свой контроль ситуацию в Северной Маньчжурии. Не говоря уж о Кавказском военном округе, который контролировал ситуацию на севере Персии, или Одесском военном округе, «опекавшем» Румынию с Трансильванией. Ну, и Киевский округ со своим «протезе» – Словкорусинией. Так что не в этом вопрос. Вопрос: что случилось? Неспроста же генерал Половцов прибыл? Генштаб как-то не особенно любил выпячивать связь между Армией Единства и «наемниками» из ЧВК «Моцарт», а тут такое!

Их кортеж притормозил у самой черты берега, и генерал Половцов, не дожидаясь, пока ему распахнут дверцу, вышел сам, мечтательно глядя поверх необъятной водной глади, глядя куда-то туда, за горизонт, в небеса, как глядит юный мальчишка, мечтая о своей грядущей жизни, полной славных и захватывающих приключений.

Волны океана омывали его сапоги, и он, переведя свой взор себе под ноги, усмехнулся:

– Омыть свои сапоги в Индийском океане. Какой русский офицер не мечтал сделать это?

И вот это стало реальностью.

Улагай кивнул.

– Я, знаете ли, Петр Александрович, искренне вам сейчас завидую. Завидую белой завистью.

Гость удивленно покосился на него.

– Помилуйте, Сергей Георгиевич, ведь вы тут лагерем на берегу уже почти три недели! Вам и вашим людям это всё должно было уже приесться до чёртиков, а вы тут говорите: «завидую»! Как вас прикажете понимать?

Командующий ЧВК лишь горько усмехнулся:

– Всё дело, как вы верно подметили, Петр Александрович, в сапогах. В русских сапогах. А не в этой, надоевшей нам всем до отвращения, афганской форме.

Улыбка. Кивок.

– Понимаю, Сергей Георгиевич. Что ж, ваши мучения окончены. Вчера в Карачи подписан мирный договор между Британией и Афганистаном, по которому Лондон не только признает независимость Королевства Афганистан, но и признает его неотъемлемой частью провинции Белуджистан, а также подтверждает права Единства на аренду Ормара на девяносто девять лет с правом размещения здесь нашей военной базы.

Улагай обрадованно хлопнул себя по колену.

– Да, чёрт возьми! Да!!! Рейд за реку Инд сломил-таки британцев!!!

Половцов кивнул.

– Именно так, Сергей Георгиевич, именно так. Как и ожидалось, англичане решили удержать в руках главный бриллиант Британской короны – Индию. Да и нечем им было воевать. Точнее – нечем. Войск мало, перебросить неоткуда. Впрочем, вы всё это прекрасно знаете и без меня. Со своей стороны, хочу порадовать вас известием из двора. Государь чрезвычайно доволен вашей службой и повелел пожаловать вам титул графа Улагая-Ормарского, с производством в чин генерала от кавалерии, с зачислением в Свиту его всевеличия. Ну, и орден Святого Архистратига Михаила второй степени с мечами в комплект.

Улагай несколько опешил.

– Благодарю за столь радостное известие, Петр Александрович, но... Как же я буду командовать «Моцартами» с таким титулом и зачислением в Свиту?

Столичный гость улыбнулся:

– Что ж, Сергей Георгиевич, ваша служба в «Моцартах» окончена. Вы отлично послужили во славу Отечества, и я благодарю вас от имени его всевеличия. Теперь вас ждет карьерный рост. Единству сейчас нужны будут такие ЧВК по всему миру, а уж с вашим-то опытом... В общем, давайте команду на смену униформы и на построение. И пусть наконец-то наши солдаты омоют русские сапоги в Индийском океане...

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. 22 февраля 1920 года

– Еще раз приветствую вас в Константинополе, прекрасная Изабелла.

– Благодарю вас, Михаил. Я имела возможность совершить небольшую экскурсию по городу и, признаюсь, была впечатлена. Столько всего сделано и делается! Впрочем, я видела фотографии и синема из Москвы, Риги и Владикавказа, и, признаюсь, масштабы впечатляют не меньше. Зимние олимпийские игры в вашей стране прошли просто блестяще, а летние и параолимпийские затмят их. Я уверена, что майские игры в Москве превзойдут зимние игры во Владикавказе, как, впрочем, и летние параолимпийские игры в Риге.

Склоняю голову.

– Я признателен вам, Изабелла, за столь лестную оценку. Со своей стороны, я сделаю всё возможное для того, чтобы следующие игры прошли во Франции. Уверен, что вашей чудес-

ной стране есть что показать миру, а успехи ваших атлетов не могут вызывать ни малейших сомнений.

Королева-мать явно смутилась.

– Я вновь благодарю вас, Михаил! Безусловно, наша империя сделает всё возможное для того, чтобы принять столь важный и авторитетный международный турнир и провести его на должном уровне. Конечно, решать Олимпийскому комитету, но если не в 1924 году, то в 1928-м или 1932-м мы обязательно добьёмся почетного права провести главное спортивное событие нашего времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.